

АЛЁНА
НЕФЁДОВА

ГАЛИНА
ЧЕРЕДИИ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Невозможный
МУЖЧИНА

**Алёна Нефёдова
Галина Чередий
Невозможный мужчина**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67295756

SelfPub; 2022

Аннотация

Ох, как же сложно оставаться высококвалифицированным профессионалом, безупречным помощником, когда новым генеральным директором назначают твоего же бывшего ученика! А ученик этот к тому же был когда-то в тебя влюблен. И, похоже, эти чувства были взаимны. А кто, собственно, сказал, что «были»? Может, они до сих пор живы?..

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	26
Глава 4	38
Глава 5	56
Глава 6	74
Глава 7	85
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Алёна Нефёдова, Галина Чередий Невозможный мужчина

Глава 1

– Прует, Масяня, чё мутишь? – гроыхнул в трубке мужской бас.

– Дэн, мне вкрай как некогда, говори скорее или дома уже расскажешь, – скороговоркой ответила я.

– Вот чё за дела, а? Почему у тебя не я или хотя бы не Стасик на первом месте всегда, ну? – обиделся мужчина.

– Любимый, ну, пожалуйста, побойся бога. Я твоя и его с восемнадцати ноль-ноль до самой утренней зари. Любой каприз. А прям шаз никак не могу. Ой, директор на линии. Бросаю трубку. Чмоки обоих во все места.

– Ну-ну, – успел сокрушенно вздохнуть абонент, который уже не абонент, ибо некогда – директора нельзя заставлять ждать.

Шеф последние несколько недель сам не свой был – подкосила его та неприятная ситуация. Да так, что даже страшно за него становилось временами. Но... Тут уж, как говорится, что посеешь.

– Да, Александр Нилович.

– Ланушка, зайди ко мне.

– Чайку?

– А знаешь... сделай-ка ты мне, лапа моя, кофейку. Как ты умеешь. Только «без верха». Я туда кой-чего капну. И на себя тоже сваргань порцайку. И это... Коза твоя тут? Если тут – отправь куда-нибудь с поручением, чтобы никого не было в приемной. И дверь закрой. И, наверное, с телефонами сделай что-нибудь. Не хочу, чтобы трезвонили.

С недоумением я смотрела на огромный телефонный аппарат, стоящий на моем столе. Александр Нилович просил кофе «как я умею» в экстраординарных ситуациях. Но ведь все в порядке! Производство работает как швейцарские часы (ну, может, не совсем «Улисс Нардин», но без особых сбоев), в отделах продаж полно заказов (ну, опять-таки не то чтобы с верхом, но на хлеб с маслом всем хватает), дилеры регулярно требуют пополнения запасов, планируем открытие нового цеха на основной базе – такое впечатление, что все последние кризисы обходят нас стороной, тьфу-тьфу три раза. Да еще и «без верха»! Значит, добавит туда коньяк. Черт! У него же давление совсем недавно скакало, «Скорую» домой вызывали, мне Лизавета Пална жаловалась.

– Мартышка, Саша-водитель ничего интересного не рассказывал?

– А чё? – Вот же еще одно неисправимое создание!

– Не «чё», а «что». Ты, в конце концов, в приемной гене-

рального сидишь. Следи за речью, – поправила я Лялю, хотя уверена, сквозняком все тут же вынесет.

– Да никого ж нету, – проканючила она.

– Нет. Не «нету», а «нет».

– Тетка, ты чего нудишь? – сидевшая за столом напротив длинноногая красотка надула розовый пузырь и щелкнула его с резким хлопком.

– Так. Значит, берешь длинные бритые ноги в наманикюренные руки и дуешь в отдел контроля качества. Вот тебе пакет документов. Показываешь каждую страницу Ларисе и строгим, вот прям «противным моим» голосом требуешь немедленно, в твоём присутствии переделать. Скажешь, Светик сегодня в образе «мымры», а посему люто бушует и вообще ни разу не шутит. Поняла? – Я протянула Ляле папку с документами, испещренными моими правками и наклеенными ярко-розовыми ядовитыми стикерами с плачущими смайликами.

– Да чё случилось-то? – взглянув на меня, ойкнула и исправилась: – Что-то произошло? Серьезное?

– Иди. Вернешься, когда я тебя сама наберу.

Прислонившись ухом к двери, дождалась, пока стук высоких каблучков затихнет вдаль, и тихо щелкнула внутренним замком. Набрала на телефоне код, переводящий все поступающие звонки на отделы продаж и филиалы, предупредила по внутренней «болтушке» девочек, чтобы никого не соединяли с приемной, и пошла доставать из дальнего ящика

спиртовку и джезvu. Через десять минут, поставив на поднос две крохотные чашки, парящие одуряющим ароматом настоящего кофе по-восточному, приправленного кардамоном и мускатным орехом, и зажав под мышкой неизменный блокнот для записей, я вплыла в директорский кабинет.

Александр Нилович, в распахнутом пиджаке, с ослабленным узлом галстука, сидел на диване для гостей, откинув седую голову на высокую спинку и прикрыв набрякшие веки. Вид у него был не просто усталый, а какой-то... даже сложно было подобрать верное определение, обреченный, пожалуй. И это испугало меня, моментально включив в голове тревожную лампочку. Наш Генерал лично для меня был ярчайшим примером опытного, мудрого руководителя – справедливого, очень тщательно взвешивавшего свои решения, старавшегося беречь не только прямых подчиненных, но и вообще всех сотрудников комбината. Сказать, что я была довольна своим начальником – ничего не сказать. Я относилась и к нему, и к его жене почти как к старшим родственникам, стараясь не только отлично делать работу на своем месте помощника генерального директора, но и ухаживать за шефом, чтобы ему было еще и комфортно. Не знаю уж, насколько это правильно с точки зрения профессиональной этики, вполне возможно, что в любом столичном офисе меня бы высмеяли за такое слишком «личное» отношение, но по-другому я не могла. Он доверял мне, причем не только производственные, но и многие семейные секреты. Как выяснилось недавно, в

некоторые не был посвящен даже он сам.

– Садись, помощница моя золотая.

– Ну, не такая уж я и золотая. Временами очень даже бываю... кхм... другого цвета, – засмушалась я от похвалы.

– Ой, да ладно тебе, – криво усмехнулся шеф, вяло взмахнув рукой. – Всем бы такую «не золотую». Знаешь, сколько раз мне намекали, что готовы тебя переманить с повышением. А я не пускал, – помрачнел он вдруг. – А теперь вот думаю, может, и зря. Сидела бы сейчас спокойно каким-нить начальником отдела, а я, эгоист старый, подле себя все придерживал. – Нилович покрутил головой, еще больше растягивая узел галстука левой рукой, потянулся куда-то между ног, достал небольшую бутылку дорожущего французского коньяка, с некоторым усилием вытащил пробковую крышку, вылетевшую из горлышка с легким хлопком, и плеснул в обе чашки янтарную жидкость. – А вот как теперь быть... И не знаю даже. Твое здоровье, Ланушка.

Я осторожно взяла свою порцию, отстраненно отметив, что мои пальцы подрагивают. Что же такого могло произойти, чтобы ввергнуть нашего Генерала в подобное состояние? Или это «та самая» история заимела продолжение? Господи, только не опять!

– Александр Нилович, все живы-здоровы?

– Все, лапушка, все. И будут еще живы и здоровы многие лета. Только без меня, наверно, – громко прихлебнув густого напитка, ответил директор. – Ты, золотко, не переживай так,

авось выкручусь, да и тебя не брошу. Я ж вижу, ты вон всполошилась вся. И с производством полный порядок, и прибыль у нас, ну, не ого-го, но какая-никакая имеется. Видать, именно этим и привлекли. Да только не знаю, к худу ли, к добру. Пална моя вчера карты раскинула. Говорит, к добру. А у меня душа не на месте. Уж больно молодого вам присылают шефа мне на замену. Совсем еще молокосос, а туда же – дире-е-ехтор, мать ити его за ногу, – внезапно взрыкнув, он хлопнул свободной рукой по деревянному подлокотнику, расплескав кофе на белоснежную рубашку.

Я подхватила, бегом принесла стопку салфеток, чтобы промокнуть пятно, но Нилович лишь дернул отрицательно головой:

– Мол, ты, Нилыч, не бережешь себя. Мол, о себе подумать пора. Ты не думай, мы тебя не пускаем в расход, будешь ты у нас теперь замом по общим вопросам. Якобы... как же мы без тебя-то с твоим-то опытом да в нашей отрасли справимся. Но директор будет новый. Молодой, энергичный, инновационный весь из себя, со связями аж в самых верхах. Да к лешему эти их... – он покрутил в воздухе руками, пытаюсь подобрать слова, – фильдиперсы со шканделябрами! Так, лирика все это. Ланушка, слухай сюды, дела наши такие...

Через час я вернулась в приемную в полном замешательстве, чуть не уронив по дороге поднос с пустыми кофейными чашками.

Слияние – это, конечно, интересно, а с экономической

точки зрения еще и целесообразно в наши времена. А вот смена основного акционера, державшего ранее контрольный пакет акций... Это дело такое. Хм, пятьдесят на пятьдесят, что называется. Да еще и иностранец, блин. Что им тут, ме-дом намазал кто? Новый руководитель? Ну, даже новая мет-ла начинает не сразу мести, ей сперва разобраться надо – ко-го выметать, а без кого все встанет. Да и за свое рабочее ме-сто я как-то не особо волновалась: даже если не придусь ко двору, то уж Ляля точно понравится, если новый директор не гей, спаси и помилуй! А Ляля, при всей своей безалабер-ности, доводящей меня временами до бешенства, своих не бросит, я в ней уверена. Ну и, действительно, авось Нилыч поможет выкрутиться и хоть на какое-то местечко пристро-ит.

Ладно, товарищ новый директор, столь бесцеремонно ото-двигающий опытные ценные кадры на задний план, посмот-рим, как вы справитесь без нас, стариков!

Глава 2

Двенадцать лет назад

– Господи-ты-боже-мой! – держа в трясущихся руках стопку тетрадей на проверку, бормотала я себе под нос.

«Вот за какие такие прегрешения мне это наказание?!» – продолжила вопрошать Вселенную уже мысленно. Всего за год этот несносный задира, эта заноза в заднице, этот подросток-нескладеха вымахал в верзилу, одарить коего взглядом «строгой училки» (который, к слову, получался у меня из рук вон плохо – ну не умела я сердиться на этих дуралеев) теперь можно было только лишь задрав голову вверх до ломоты в шейных позвонках. Или взобравшись на стул. К тому же у меня и раньше-то дух захватывало, когда я встречалась глазами с этими пронзительными, злыми зенками уличного бойцового котищи – желто-зелеными, что, казалось, могут светиться в темноте. А теперь вообще... Ну не дура, а? Всю мою прошлогоднюю практику он изводил меня двусмысленными шуточками, после которых каждый раз приходилось успокаивать класс, резкими наклонами в сторону прохода между партами якобы за упавшей ручкой, когда я там шла, и, типа, случайными прикосновениями в районе ноги или бедра... Мелкий засранец! У него гормоны играли, а я ничего при этом не могла поделать со своими реакциями – щеки мо-

ментально вспыхивали, голос становился сиплым, а пальцы начинали мелко дрожать – и совершенно непонятно от чего: то ли от возмущения столь вопиющей наглостью, то ли от... чего? Неужели он меня... волновал уже тогда? Этот длинноногий, длиннорукий, слегка сутулый дрыщ? На фиг знает сколько лет моложе меня? Несовершеннолетний? Ты шутишь, мать? Совсем от одиночества крыша поехала?

Во время написания диплома и подготовки к «госам» я, конечно, забыла и про эту школу, и про изводившего меня малолетнего паразита. Но когда после окончания института я пришла сюда официально уже в качестве учителя, имея при этом четкие корыстные цели, старое недоразумение начало перерастать в реальное неудобство для меня. И да, называть это «неудобством» было гигантским преуменьшением с моей стороны. За год мальчишка превратился в... мужика. Молодого, дерзкого, злого, с абсолютно очевидными замашками лидера, послушаться которого не смел никто в школе. Вот бывают такие, прости господи, особи, что словно минуют фазу «трепетный юноша» и сразу, одномоментно, становятся мужчинами, и не абы какими, а излучающими ауру мощной самцовой привлекательности, которая вызывает к женскому началу, невзирая на возраст, уровень интеллекта и степень сдержанности. У меня, грешным делом, сложилось впечатление, что даже наша директриса невольно млела при виде этого молокососа! Конечно, с одной стороны, претензий от учителей по поводу успеваемости нет, да и быть не

может ни по одному предмету. Еще бы – участник и победитель хреновой тучи олимпиад, цитирующий наизусть отрывки хоть из «Преступления и наказания», хоть из учебника по биологии, хоть параграфы, дающие определение корпускулярно-волновой природы света. И, гад такой, все с ухмылочкой и скучающим видом. А как он отвечает на моих уроках? Это же сплошное издевательство! Вот, казалось бы, невинный рассказ о завтраке он буквально сегодня составил и декламировал так, что я была готова его убить! И ведь переспрашивал так ехидненько, мол, Светлана Николаевна, ведь первое значение слова «sweetie» – это конфетка, карамелька, да? И ударение на «первое», а я смотрю и понимаю, что он прекрасно знает и его сленговое значение. И я, никогда ни с кем не лезшая за словом в карман и умевшая с шуточками-прибауточками отбрить так, чтобы никого не обидеть, вынуждена была с невозмутимым видом кивать, слыша, как этот поганец на неплохом, кстати сказать, английском вещает о том, что на завтрак он любит сосать карамельки. И, зарр-раза, изложено все такими грамотно подобранными синонимами, что смысл совершенно очевиден – на завтрак он предпочитает заниматься оральным сексом с хорошенькими женщинами. Это как вообще, а? И ведь пожаловаться никому не могу. Покрутят пальцем у виска и скажут что-нибудь о том, что конкретно «болит у меня», да еще и вид мой внешний приплетут – типа, выглядеть надо посolidней да построже, а не ровесницей школярам все прикидываться. А

как, скажите на милость? Мне что теперь, грим старческий на морду накладывать? Да-а-а уж. Да ладно скажут! Все это не вызывало бы такой шквал возмущения у меня, если бы не кормилось стыдом. А все потому, что отрицание желаний, даже по сути абсурдных или, как в моем случае, противозаконных, никогда не помогало от них избавиться. А желания проклятушие эти были, как ни стыдись и сколько ни дави их. И самое ужасное, что мне казалось, что и мучитель мой долговязый это прекрасно видел, иначе как все кровопийцы его возраста давно бы устал от этих игр и переключился на новую жертву.

Покачав головой невеселым мыслям, я запихала тетрадки в свой огромный ярко-розовый рюкзак (еще один повод для завуча поворчать на несоответствие образу учителя, так сказать) и с тяжким вздохом принялась за заполнение журналов. Пока идет эта дурацкая предновогодняя дискотека, на которой меня сегодня попросили подежурить вместо вроде как приболевшей химички, успею как раз заполнить всю выпускную параллель. Конец полугодия вот-вот, и так меня уже наша Ольга Алексеевна каждый день шпыняет за эти журналы. И это до нас еще цивилизация не докатилась, как в Москве, с заполнением и дублированием всего того же самого только в электронном виде на сайте школы. И вот скажите-ка мне, раз вы все такие умные, что ему ставить, а? Четверку вклеить не имею права – даже формально придраться не получается, да и, честно говоря, не к чему. Ну, не любит меня пацан, я же

не могу за это снизить оценку, если он и правда лучше всех в школе. А то, что издевается, проходу не дает... Да озвучь я это, мне же в лицо и ткнут, что сама где-то ошибку допустила, повела себя изначально неверно, попустительствовала вначале, либеральничала или, наоборот, надавила слишком... Господи, как представляю, так вздрогну! Словно и не о воспитании мальчишки речь, а о дрессировке опасного хищника. Хотя в глаза его нахальные как глянешь, то сразу разница уже и не кажется столь очевидной, вот только вопрос: кто еще кого воспитывает и дрессирует. Эх, ладно, дотерплю уже, полгода всего осталось, выпустится – и конец моим ежедневным мучениям. А пока спрячусь тут в учительской, успокоюсь после всего.

Ведь стояла себе тихо-мирно в актовом зале, в темном уголке между колоннами, куда не доставали даже отблески ни светомузыки, ни елочной гирлянды, никому не мешала, наблюдала за порядком, иногда перекидываясь парой фраз с коллегами – такими же дежурными страдальцами. И вдруг скользящее, но уверенное прикосновение к пояснице широкой ладони заставило все внутри обмереть, а воздух покинул легкие с таким беспомощным «Ох!». Мой рывок вперед тут же пресекли сильные руки, обнявшие будто всю и сразу, крепко, по-хозяйски, с претензией на полное право делать то, что делают.

– Попалась, принцесса-недотрога. – Жаркий шепот низким мужским голосом прямо в шею, отчего мурашки потек-

ли горячей лавиной, завязывая узлом низ живота. Нахальная ладонь, уверенно нашедшая грудь и властно сжавшая ее. Не облапала, унижая и вызывая чувство гадливости, а именно приласкала, заставляя думать пусть о дерзком, но восхищении, а не о неприкрытой похоти, как бы абсурдно это ни было в подобной ситуации. Сухие настойчивые губы потерлись о бешено заколотившуюся венку под ухом, и тихий удовлетворенный выдох словно наэлектризовал кожу. – Ты так и не поняла до сих пор, что от меня не уйдешь? Вот вроде взрослая и умная, а такая недогадливая.

– Эт-т-то что за шут-т-точки, – заикаясь от негодования, я развернулась в захвате и уткнулась носом в широченную грудь, обтянутую темной водолазкой и пахнувшую на меня одуряющим ароматом возбужденного молодого самца. Закинув голову, уставилась в наглые зеленые глаза. А ведь с первого мгновения знала, что это он. Понятия не имею откуда, но знала. Несколько раз открыла и закрыла рот в тщетной попытке сказать хоть что-то. Заметила, как его взгляд метнулся за мою спину и тут же изменился, из самодовольного став... лукавым, что ли?

– Светлана Николаевна, простите, пожалуйста. Я со спины ошибся, перепутал вас с одной... девушкой. – Максим изобразил смущение так достоверно, что не зная я его лицедейскую натуру получше, то и сама бы поверила. И если бы, якобы извиняясь, он не продолжал скрытно поглаживать меня пальцами сквозь одежду. – Вы так молодо выглядите,

что ну очень легко обознаться. Еще раз приношу свои самые искренние извинения.

Чуть ли не прищелкнув каблуками, этот мальчишка (ну не подлюка, а?) удалился, цапнув по дороге одну из своих одноклассниц и вовлекая ее в танец, отчего девчонка вся аж засветилась явным удовольствием, ловя завистливые взгляды тех, с кем только что стояла и перешептывалась хихикая.

Еле сдерживая закипающие слезы, я рванула из актового зала и понеслась на второй этаж в учительскую, плотно прикрыла дверь и прокралась к своему рабочему столу, включив только настольную лампу – в моем нынешнем состоянии не очень хотелось, чтобы сюда зашли на пробивающийся из-под двери свет. Так и сидела, заполняя журналы и понемногу успокаивая разбушевавшееся от только что произошедшей нелепости либидо. Кто-то думает, что он действительно ошибся? Как же! «Ага-ага» триста тридцать три раза. Кто угодно, только не он! Но и я хороша! Стояла там, вытираю глаза и боясь вздохнуть, позволяя ему тискать меня практически при всем честном народе! И плевать, что продолжалось все едва ли даже полминуты, сам факт – вот что имеет тут значение. Он снова начал игру и выиграл, получив в качестве приза очередную дозу моего смущения и полной незащитности. Да до каких же пор это будет продолжаться? В какой момент я стала любимой игрушкой этого мелкого садюги, и главное – за что? Нужно прекращать это немедленно и решительно! Да, именно так я и начну вести себя с

понедельника, и пусть умается этот поганец донимать меня. Не будет реакции – самому надоест и отвалит.

Закрытая дверь тихо скрипнула, впуская коллегу. Я глубоко вдохнула, прогоняя с лица отражение царившего внутри хаоса, и подняла голову, лупая глазами в темноту и ожидая, что сейчас зажжется верхний свет. Но этого так и не случилось. Судя по следующему звуку, ключ провернули в замке дважды. Сокрушительная дрожь беспощадного обреченного понимания, такого, что приходит раньше любой разумной мысли, сотрясла нутро. Паника, идущая с ним рука об руку, была до обидного легко подвинута бесстыдным предвкушением. Тем самым, для которого все мои «да зачем же мне это и за что» были смехотворно жалкими. От основания черепа и до самого копчика прокатилась тягуче-обволакивающая волна, стремительно стекшая в низ живота. Да что же со мной творится?

– Ольга Алексеевна, это вы? – Конечно же нет! И, надо быть честной, я это знала уже на подсознательном уровне. Для чего вообще спрашивала? Чтобы дать малюсенькую зацепку за готовую уже пойти наперекосяк реальность себе или ему – шанс на раздумье, чтобы развернуться и уйти? Ну, должно же остаться в его голове хоть какое-то понятие о границах, страх... да черт еще знает что!

Вскочив со стула, я попятилась, щурясь в ставшую вдруг вязкой темноту только для того, чтобы узнать этот уже до боли знакомый силуэт.

– Максим, тебе нельзя здесь находиться! – решительно нахмурившись, сказала я. Ладно, попыталась сказать, потому что на самом деле вышло слабое тихое возражение с таким непристойным придыханием, что я вспыхнула окончательно и отступила еще быстрее. Осознала, что выдаю свою неспособность контролировать эту невозможную ситуацию каждым суетливым движением, но сейчас это воспринималось не просто противостоянием молодого учителя и ученика-задиры. Вообще уже совершенно не игры. Собственно, сражение за выживание, пусть и не физическое – или он меня, или я его. О, смешно, исход слишком предсказуем!

– Макс, уходи, пожалуйста, – проямлила я, наткнувшись спиной на стену и выставив вперед руку в жалкой попытке остановить надвигающийся неумолимый шквал тестостерона.

Но Шереметьев, не останавливаясь, перехватил мое запястье и прижал его к стене над головой. Наклонился, упираясь своим лбом в мой, обездвиживая и не позволяя ускользнуть от своего голодного, выжигающего способность к сопротивлению взгляда.

– Боже! – пробормотала я и трусливо зажмурилась, признавая, что ничем уже не управляю. Даже собственным телом, и от этого хотелось забиться в истерике, вот только не понятно: то ли от негодования и унижения, то ли от острого, рвущего все внутренние запреты удовольствия ощущать этого пацана настолько близко. Как, черт побери, в считан-

ные секунды все могло дойти до такой крайности?

– Нельзя-нельзя-нельзя, – повторяла и сама не понимала смысла и, совсем сорвавшись, отчаянно толкнула в грудь парня, стремясь вырваться, при этом не делая ни шага. Но Шереметьев поймал и вторую руку и прижал ее в район своего бухающего сердца, а затем медленно опустил голову, проводя носом от моего виска до подбородка и потерся своей немного колючей щекой об мою.

– Мне восемнадцать исполнилось вчера, Светлана Николаевна, – чуть отстранившись, он ухмыльнулся в своей так раздражающей меня манере, но огрубевший голос, рваное дыхание и цепкий взгляд готового к атаке хищника выдавали его предельное напряжение. – Так что мне уже можно и даже офигеть как нужно.

И тут же нет, не поцеловал, а совершил самый настоящий бросок, молниеносную атаку, пользуясь тем, что я вскинула голову для возражения. Мальчишка? Молокосос? Не-е-ет! Захватчик, абсолютно точно знающий, что он вершит своими губами и языком, в отличие от меня, мгновенно потерявшей последнюю ориентацию и понимание, где я и что творю, цепляющейся за его плечо и отвечающей на это дерзкое разграбление моего рта. Господи, милостивый боже, вот за такие поцелуи в прежние времена женщины готовы были отдать хоть честь, хоть душу, не вспоминая и на секунду о последствиях. Потому что это был никакой не поцелуй вообще. Полноценный секс, заявление прав, требование капиту-

ляции, признание в смертельной степени жажды по другому человеку. Контакт из разряда столкновения стихий, приносящих непоправимый ущерб и разрушения. Воздух вдруг закончился, и Шереметьев прервался лишь на пару секунд, дав жадно вдохнуть обоим и сипло, прерывисто шепча что-то нежное, абсолютно противоположное каждому его агрессивному, захватническому движению.

– Свет ты мой... девочка моя... я же совсем дурак из-за тебя стал... не видишь... не замечаешь... дышать не могу... – И в голове все закружило-закружило и поплыло-поплыло от обнаженной трепетности его слов, и плевать, что девочкой меня называл мальчишка младше меня лет на сколько? Семь, десять, пять? В этот краткий миг я могла и желала быть его девочкой, его светом, центром его желаний, ибо никогда в жизни такого не испытывала.

И все я прекрасно осознавала: и как сильное тело вжало меня в стену, как в живот уперлась однозначная твердость, как мощное бедро вторглось между моих ног, бесстыдно задирая юбку, как широкая мозолистая ладонь, подрагивая от возбуждения, оказалась под одеждой и скользнула вверх. И прекрасно осознавала, к чему все шло... Да только не осталось во мне сейчас ни гордости, ни порядочности, ни страха, ни упрекающей совести. Был только он, сгорающий от желания и сжигающий меня со всей беспощадной жадностью и безоглядностью своей юности. И как же я горела! Полыхала лютым пламенем от каждого нового поцелуя, уже сама

под них подставляясь, умоляя хриплыми вздохами коснуться еще и еще, предавая собственную вечную скромность. Все больше дурела от лихорадочного шепота, что постепенно стал не только нежным, но и искушающе бесстыдным, как и губы, и руки, что уже не метались по моему телу, беспорядочно и жадно насыщаясь самим фактом внезапно доступных запретных прикосновений, а выискивали самые уязвимые места целенаправленно.

– Вот так... вот так, моя девочка... позволь мне...пусти меня... – рвано выдыхая, жег Максим кожу моей шеи шепотом, перемежая его короткими требовательными поцелуями, пока его широкая ладонь стремительно и совершенно уверенно скользнула под мою юбку и, огладив бедра, расположилась в самом низу живота.

И я пустила, сдалась, не просто позволив ногам приглашающе раздвинуться, но и дернулась, толкаясь навстречу его руке.

– Твою же ж-ж-ж... – пробормотал он, захлебнувшись первым вдохом, когда его пальцы погладили меня через влажный хлопок, попадая сразу же сокрушающе идеально, и я, дернувшись, как от разряда, врезалась затылком в стену. – Если бы ты знала... если бы только представить себе могла...

И снова невысказанное сладкое трение, настоящее бесстыдное волшебство, от которого перед глазами искристая пелена, неконтролируемая судорога промчалась сверху вниз по позвоночнику, заставляя выгнуться и прижаться к нему

крепче некуда, а мышцы бедер начали мелко-мелко дрожать.

– Тш-ш-ш... тише... – счастливо и чисто по-мужски торжествуяще усмехнулся у моей щеки Максим и замедлил вытягивающие из меня душу движения вниз. – Какая же ты у меня торопыжка... взрывоопасная... словно порох... сейчас все будет, девочка моя... сейчас...

Он, пройдясь еще раз вдоль моей шеи открытым ртом, чуть отстранился, и я услышала шорох его одежды и просто ждала. Нет... не просто. Я заживо сгорала в предвкушении, уже абсолютно готовая ко всему, что бы он ни захотел со мной сотворить.

В этот миг в наш замкнутый мирок порочного огня, захлебывающегося дыхания и шепота вломился противный отрезвляющий звук извне. Кто-то дернул ручку двери, пытаясь войти. И это было как мгновенное падение в ледяную прорубь. Шереметев отпрянул, и мы оба, замерев, как олени в свете фар, уставились на дверь учительской. Визитер, подергав дверь еще пару раз, удалился, но меня к тому моменту уже настигло и осознание произошедшего, и следующая за этим паника. И я поступила по-настоящему трусливо. Звук пощечины показался просто оглушительным, а мое «не смей никогда больше!» – как предательское змеиное шипение. Парень медленно провел пальцами по ударенной щеке, и краткий шок на его лице сменился прежним наглым и самоуверенным выражением, но теперь еще и щедро замешанным на злости.

– Как прикажете, Светлана Николаевна! – шутовски поклонился он, кривя губы в ухмылке, которая почему-то ранила меня как никогда до этого. – Да только зря вы так. Я ж упертый. Как баран. Так что... «never say never», как говорят ваши любимые англосаксы.

Он развернулся и ушел не спеша, даже не хлопнув дверью, словно ничего и не случилось вовсе. А я, рухнув на корточки у той самой стены, к которой только что была прижата горячим сильным мужским телом, поняла отчетливо: это катастрофа, но никакой не конец. Не для него. И чтобы это не стало полным крахом жизни для меня, нужно бежать. Как можно дальше и скорее. Потому что здесь и сейчас я потерпела полное и оглушительное поражение. Как педагог, как женщина, как человек, вдруг оказавшийся бессильным перед своими самыми низменными инстинктами.

«...а вообще, Светка, мы ж так и не поняли, чего ты так резко уволилась – никому ничего не рассказала, не объяснила. Фьюить – и слиняла прямо в середине учебного года. Ты хоть напиши, где ты, чего ты, замуж, говорят, вышла, какая у тебя теперь фамилия, муж-то как, хоть непьющий? А то у нас с этим беда прям. Да вот хоть помнишь этого нашего вундеркинда? Ну, Шереметьева-то! Слушай, не помню точно, ты застала это время, или все после твоего ухода случи-

лось, но... бли-и-ин, никто от него такого не ожидал. Ведь чуть не всей школой на него молились: и умный, и поведение примерное, и спортсмен весь из себя, и сплошные победы с олимпиад краевых таскал. А тут... как исполнилось ему восемнадцать, так с катушек и съехал пацан. Вечно дрался с кем-то – постоянно с фингалами светился, на уроки вообще забил, иногда по несколько дней не ходил в школу, на всех огрызался. Жаль даже, хороший ведь был парень, ну прям как сглазил кто. Вроде даже несколько раз его в кутузку заметали – то ли пьяным, то ли вообще обкуренным. И это со связями его-то папашки еле отмазали, прикинь? А потом, от греха подальше, и вовсе куда-то за границу отправили учиться. Так что водка – это зло. Вот и говорю – надеюсь, муж твой непьющий...»

Глава 3

– Да уж, Максим Владимирович, хоть мы и готовились к встрече с вами, однако поймали вы нас почти врасплох! – крепко пожимая мою руку, поздоровался со мной генеральный, теперь уже бывший генеральный директор, а с понедельника – мой первый зам по производству Александр Нилович, которого я, приехав на пару дней раньше обещанного, выцепил буквально на проходной комбината. Хороший мужик, мне хватило первого взгляда, чтобы определиться со своим отношением к моей теперешней правой руке. Жаль, конечно, что так слеп оказался, попал он конкретно со своими родственничками. Вот так вот – доверял-доверял, а проверять не удосуживался. Ну что ж, главное, что сам кристально чист, а уж за зятя своего и его прихвостней он ответственность хоть и несет, но только как руководитель, пустивший ситуацию на самотек. Ладно, проедем, разберемся.

– Хорошо у вас, уютно. Цветов, смотрю, много, – я попытался за неловким комплиментом скрыть удивление видом директорского кабинета – зимний сад, ей-богу, как в таком работать можно?

– А это помощница моя разводит и ухаживает. Говорит, живые растения успокаивают и на гармоничный лад настраивают. Да и мне, старику, чего уж там, глазам приятнее, чем на железяки наши смотреть. Славная она у меня, Лана, уж

не обижайте девочку мою.

– Я вроде в приемной два стола видел...

– Ой, вторая... Чисто коза вторая – неумеха и растяпа.

– Почему она в таком случае до сих пор в приемной генерального, а не в службе трудоустройства?

– Ну, Максим Владимирович, мы тут так с плеча-то не рубим. По-семейному у нас все. Городок маленький, все друг другу друзья-родственники. Так и Ляля эта Ланочке моей какая-то то ли родственница дальняя, то ли подруга близкая... Год назад мы тут так серьезно зашивались, сидела она каждый день до ночи. Вот я и разрешил ей подобрать себе второго секретаря, она и привела. Да господь с ней, с козой этой – чай-кофе заваривает, на звонки отвечает, на почту бежит. А всю серьезную работу все равно только Лана моя и делает. Я никому, кроме нее, и не доверил бы.

– И где же этот ваш чудо-помощник? Что-то я ни одной из них в приемной не видел.

– Ох, да это я их с панталыку сбил. Сказал, что уезжаю на обед и не вернусь уж сегодня. Небось вместе в столовую на обед и побежали, обычно по очереди ходят, чтобы приемную не оголять, как Лана говорит. Да вот, слышите? Видать, уже и вернулись. Позвать?

– Да не к спеху, будет еще время на знакомство. Я у вас вот что спросить хотел...

Но в этот мигновение дверь распахнулась с каким-то залихватским взвизгом, и в кабинет, пятясь аппетитным задом,

сопровождаемая горшком с высоким, в человеческий рост, разлапистым растением с красивыми листьями и огромными ярко-алыми цветами, буквально ввалилась хохочущая растрепанная девица в несусветном наряде, от смеха которой мое сердце вдруг екнуло, а потом, взбрыкивая и тарахтя всеми четырьмя клапанами, заскакало бешеным быком на родео-шоу.

Случалось мне слышать, что все в этой жизни движется по кругу. И то, что однажды покинуло тебя, не важно при каких обстоятельствах, когда-нибудь так или иначе появится снова.

Ну вот, в моем случае произошло именно иначе. Кто бы мне сказал, что женщина, однажды взорвавшая мне мозг и тем круто изменившая всю мою последующую жизнь, вдруг опять окажется ближе некуда. Личный помощник, твою ж налево! Светлана Николаевна... Светочка, зараза бессердечная. Я пару секунд реально глазам поверить не мог и едва сумел скрыть шок от узнавания. Моя первая любовь, согнувшись в нелепой позе, застыла на пороге моего же нового кабинета, недоуменно и даже испуганно щурясь на нас с Александром Ниловичем сквозь падающую на глаза прядку светлых, с золотым проблеском волос. Стройные ножки, прогиб спины, моментально включающий в голове отнюдь не на рабочий лад настраивающие картинку, странная темно-коричневая полоса на лбу, испачканный нос, руки в земле, охватившие ствол дурацкого деревца так нежно и так крепко,

что...

Твою мать, лет десять, а может, и больше прошло, а первая реакция на узнавание оказалась прежней: сердце начало вытворять чокнутые кульбиты, пульс загрохотал, ладони вспотели, и в горле пересохло. Будто я снова все тот же малолетний идиот, умудрившийся втюриться в свою училку без оглядки и хотеть ее так, что каждое пересечение заканчивалось тем, что я вынужден был срочно позорно передергивать в туалете, зажав сам себе рот ладонью, чтобы не заскулить как жалкий щенок. Воспоминания нахлынули разом, всем скопом, и следующей эмоцией всплыла злость. Стыдно признаться, но я до сих пор не забыл, что пережил из-за нее. И хоть сто раз я нынешний понимал, что на самом деле никакой ее вины не было: все сам себе придумал, сам себя наизнанку вывернул и сам потом чуть себя не прикончил, жалеючи, но ничего поделать с тем, что вскипело и поднялось внутри, не мог.

Странная штука – память. Я весьма смутно помнил ту, что стала моей первой женщиной в том самом, физиологическом смысле этого слова, но не забыл ни единой детали о том дне, когда влюбился в Светочку. Не с первого взгляда, нет, хотя не сказать, что не замечал ее до этого – ее просто невозможно было не заметить или не услышать. Хотя парни в том моем возрасте в принципе не могут не замечать любую сколько-нибудь привлекательную женскую особь...

Шестнадцатое марта, урок английского языка, нахальное

солнце прорвалось в окна сообщить, что вот она уже – весна, и в классе стало душновато. Светлана Николаевна встала на цыпочки и потянулась к форточке, чтобы впустить немного свежести, и вдруг на какую-то секунду будто осталась обнаженной. Ее одежда словно испарилась, сворованная бесстыдными лучами светила, и высветились очертания ее гибкого стройного тела. Я воздухом подавился и покрылся испариной, глазам своим не веря. Да охренеть, быть такого не может! Куда я смотрел до этого? В глаза, млин? Как можно было не заметить такое? И мгновением позже осознал, что увидел-то все не только я, и впервые в жизни познал, что такое ревность. И все за какую-то минуту. Не может быть? Нельзя влюбиться, только узнав, как предположительно выглядит девушка обнаженной, и это просто была похоть? Если и так, то, выходит, я патологически похотливая скотина и другого к женщинам в принципе не способен испытывать, потому как с того времени не случилось в моей жизни чувств сильнее и переживаний ярче.

Тогда-то и началось мое помешательство. Не мог я больше сидеть на уроках Светланы Николаевны и не видеть того, как облегала простенькая блузка окружность ее груди, когда она поднимала руку, указывая что-то на доске, или склонялась взглянуть в чью-то тетрадь. Не замечать изгиб бедра, которым она опиралась на край стола или подоконник, увлеченно что-то объясняя. Ловил, как голодный, ее улыбки, даже если они были совсем и не мне. Пересчитал все едва заметные

веснушки, с ума сходил от того, как только она умела поднимать глаза, когда о чем-то задумывалась: так невыносимо медленно и томно, при этом явно совсем не нарочно, будто и понятия не имея, что это секундное движение ресниц способно вызвать у парня железобетонный стояк. Да, для меня он тогда стал мучением непреходящим, когда я хоть краем глаза ловил ее силуэт в школьном коридоре. И, повторюсь, не замечать ее было просто нереально: хохотушка, чей звонкий смех слышался мне повсюду – от учительской до столовой, ведущая всех школьных вечеров, участница постоянных смотров самодеятельных, где она вечно кому-то то помогала: то что-то советовала, то руководила, то наравне со старшеклассницами скакала... А меня она в упор не видела, не больше чем любого другого ученика в школе. Улыбалась искренне, но безмятежно, не выделяя из толпы, с воодушевлением хвалила – как первоклашку – за правильные ответы этим тянущим мои нервы голосом, который давно уже шептал в моих снах и фантазиях, как хочет меня она и с ума сходит от желания всего и сразу. Понятное дело: наверное, нет такого школяра, который хоть однажды не представлял кучу непристойностей с участием привлекательной учительницы, если таковая случилась у него. Но то, что творилось со мной, было настоящим безумием. Я и думать ни о чем больше не мог, кроме как пересечься с ней хоть где-то, поймать взгляд этот насыщенно-синий, украсть глоток аромата свежести и каких-то неведомых мне цветов, если особенно повезет. Но

потом и этого стало мало. Я неожиданно осознал, что могу не ждать милостей и случайностей, и принялся добиваться ее внимания, когда вздумается.

Понимал ли я, что тогда вел себя как натуральная скотина? Ага, к тому же как смехотворная скотина, вымогающая насильно то, что больше всего хотел получить добровольно. Но в ту пору плевать мне на это было. Ну, бля, физически я не мог прожить, не коснувшись Светочки хоть кончиками пальцев, не заработав пусть гневный или упрекающий, но принадлежащий только персонально мне взгляд, не впитав в себя вид вспыхивающего на ее лице и шее румянца и не услышав сбившегося дыхания. Я этим словно упырь какой-то питался, становясь только жаднее и голоднее день за днем, до тех пор пока это не закончилось тем диким взрывом в темноте учительской.

А ведь к тому времени я почти отчаялся и стал задаваться, наконец, вопросом, на что я вообще рассчитываю, доставая ее всеми доступными способами? И это при том, что девчонки, откровенно предлагавшие мне близость, вилось вокруг достаточно. Я даже переспал с парочкой не особо щепетильных, потому как просмотр порно в качестве учебного пособия и самоудовлетворение уже достали до печенок. Тем более это никак не помогало избавиться от образа Светочки, вспыхивающего между моими веками в момент оргазма. Долой сперматоксикоз и всякую дурь из башки вместе с ним, — решил я. Сколько же мне маяться, если она так упорно иг-

норирует напряжение между нами. Оно ведь было, я не псих и не дурак, может, опыта и маловато было, но и слепой бы заметил, что только мои шутки, провокации и выходки заставляют ее реагировать так остро. Причем чем больше она зажималась, тем очевиднее все становилось. В конце концов, не насиловать же мне ее, неважно, насколько отчаялся. Так что пора было перестать облизываться на то, что тебе не достанется, и взять кое-что попроще, но под самым носом и без трудностей.

Но когда увидел на той проклятушей дискотеке улыбающуюся лукаво Светочку и нашего придурка историка, что-то интимно ей нашептывающего, у меня в голове бомбануло. Ее щеки пылали, как тогда, когда я особенно ее доставал, и это был мой хренов румянец. Мой! Никто на него не имел прав, а уж тем более не этот мудаковатый хлыщ! Он ушел, а я затаился, наблюдая, как камышовый кот в засаде, не последует ли она за ним, не осознавая того, что подхожу все ближе, пока практически не уткнулся носом в ее затылок и не окунулся в запах, от которого у меня появлялась слабость в коленях. Темный угол, грохот музыки, что почти заглушал собственный пульс, разноцветные блики, подсвечивающие ее потрясающую кожу, и этот аромат... для моей и так почти не существующей выдержки всего оказалось слишком много. И я позволил себе дотронуться загребущими дрожащими руками, узнать, как же ощущается тяжесть и мягкость ее груди в моей ладони, каково на вкус то самое

местечко пониже ее уха. И пусть продлилось это всего ничего, но возврата для меня уже не было. Я провалился в эту кроличью нору и обратную дорогу нашел ой как нескоро, да и далась она мне немалой кровью.

Пол скрипнул от неловкого шага Светланы Николаевны, возвращая меня в реальность и привлекая внимание к ней. А мой придирчивый взгляд побежал снизу вверх в попытке выискать десять отличий от образа, что никак не хотел выдираться из памяти. Но нет, увы, мне крупно не повезло: все те же сводящие меня с ума ноги, которые должны лежать на моих плечах, а не переминаться у порога кабинета старого хрыча, интересно, сколько же это она на него проработала? И как? Или кем? Все та же чертова тонюсенькая талия, что уж своими руками я точно обхвачу; все те же непокорные прядки, вылезшие из пушистой французской косы; высокая грудь, вздымающаяся, надеюсь, от волнения, бурно... Да уж, наряд ее на офисный и близко не тянул – ни стиля, ни изысканности. Но, черт! В этом балахонистом сарафане с асимметричными лямками, ядовито-розовых колготках и такого же безумного цвета водолазке она смотрелась по-прежнему девчонкой-старшеклассницей, но никак не серьезной взрослой женщиной. Я еще раз осмотрел ее и едва сдержался от судорожной гримасы. Где она вообще раздобыла этот свой прикид? В специальном секонд-хэнде для малоимущих студентов? Разве нет федерального закона или на крайняк какого-то корпоративного правила, запрещающего выглядеть так

несерьезно на рабочем месте? Где соблюдение дресс-кода? Она же чертов помощник руководителя и зарплату получает соответствующую, как можно позволить себе выглядеть так нелепо на такой ответственной позиции? Даже не знаю, что злило сейчас больше – воспоминания о когда-то разбитом сердце или ярость, что стоящая передо мной женщина ни на грамм не изменилась за прошедшие годы. Или то, что мне на это не наплевать, а должно бы.

– Вот, Максим Владимирович, прошу любить и жаловать. Это и есть моя Ланочка, моя самая главная помощница, – засуетился Александр Нилович, который, очевидно, занервничал от затянувшейся неловкой паузы.

– 3-3-здравствуйте, – заикаясь, как-то беспомощно проблеяла моя, помощница, говорите? На мгновение, но только на одно, задумался над чрезмерной резкостью растущей внутри волны, а потом просто отпустил.

– Светлана Николаевна? Наслышан о ваших талантах ландшафтного дизайнера и специалиста по комнатным растениям, – брезгливо рассматривая протянутую мне испачканную ладошку, процедил я. И ни на секунду конченным засранцем себя от этого не почувствовал. Ну, почти. Она, только сейчас будто заметив землю под ногтями, явно смутилась, ибо тот самый румянец, что когда-то являлся для меня символом ее принадлежности мне, залил щеки и шею, наверняка спустившись до самой груди. И, коротко вдохнув, руку стыдливо спрятала за спину. А я не удержался и подлил мас-

ла: – А вы перчатки не используете при пересадке растений? Столбняка не боитесь? Коварная штука, говорят.

Острый, такой, как я помнил, с любовью вылепленный матерью природой или стечением генов подбородок вздернулся, синие глаза уставились прямо, словно примериваясь для прямого сокрушительного удара в челюсть, и Светочка-Лана ответила:

– От столбняка регулярно прививаюсь. А земля, как предки наши говорили, мать наша и кормилица, так что грех прикосновениями к ней брезговать. И раз уж на то пошло, могу я знать, с каким любителем чрезмерной стерильности имею честь знаться?

Александр Нилыч с энтузиазмом вдохнул, стремясь довести до забывчивой помощницы, кого она имеет не только честь, но и счастье лицезреть, и это неожиданно еще больше добавило порцию топлива для раздражения, вынуждая опередить его. Чего ж ты так, старый, ерзаешь по ее поводу-то?

– Можете, конечно, Светлана... м-хм... – Ой, ладно, плюньте в меня за то, что я сделал вид, якобы тупо отчества ее не припомню. – Николаевна. Я ваш непосредственный начальник отныне и до некоторых пор, и весьма прохладно отношусь к попыткам служащих заниматься личными хобби в рабочее время, – я многозначительно уставился на ствол чертова растения, который она все еще придерживала одной рукой. – Если я внезапно захочу очутиться в дол... тропическом саду, то однозначно закажу экскурсию, скажем, в Со-

чинский дендрарий в сопровождении служащих, имеющих соответствующее образование.

Александр Нилыч прочистил горло, явно понимая, что ни черта не понимает, а Светоч... Светлана Николаевна, пропустив через себя мое колкое замечание, улыбнулась так сухо, словно переместила нас одним движением губ в Сахару, и кивнула.

– Могу я рассчитывать на пару минут, чтобы помыть руки, и на сутки для избавления вас от присутствия столь раздражающей флоры?

Вот, и разве это я имел в виду, раскрыв рот? Двенадцать лет, блин, прошло, да? Тогда с хера ли я себя веду столь же импульсивно, как в гребаные восемнадцать?

Глава 4

– Позвольте?

– No, you're fucking wrong! (Нет! Ни хера ты не прав!)

Застыв на пороге, я не удержалась и невольно покачала головой от столь грубой фразы, произнесенной с правильной интонацией, без малейшего признака на типичный «русский» акцент и таким угрожающим тоном, что хотелось невольно вжать голову в плечи. Зажав трубку между ухом и плечом, новый генеральный схватился за край столешницы то ли в попытке удержать себя на месте, то ли таким образом сдерживая свои руки от приложения силы к раздражающему его в этот момент предмету – хрупкому новенькому айфону последней модели.

– And don't even think to make me break the law! I'm not playing these games, so do stop fucking around with me! (И думать забудь о том, чтобы вынудить меня нарушить закон! Я в эти игры не играю, так что хватит мне мозг е*ать!)

Последнюю фразу он рявкнул так, что я все же решилась шагнуть назад и предпринять следующую попытку по окончании этого разговора. Но не успела. Он поднял голову, и я встретила с ним глазами. Снова.

Когда подобное впервые произошло неделю назад, я думала, что меня огрели со всей дури пыльным мешком – мысли испуганными мотыльками прыснули во все стороны, оставив

во всегда ясной и трезво мыслящей голове густой плотный туман розово-сиреневого цвета, искрящийся зелеными грозовыми всполохами. Я смотрела, как шевелятся эти губы и дергается кадык над самым краешком жесткого воротника кипенно-белой рубашки. Почему-то перевела тогда взгляд на крупные руки, даже не руки, а реально лапищи – с набитыми костяшками и аккуратно подстриженными ногтями. И в ту же секунду краска залила мои щеки и даже, кажется, шею и грудь, которая, как будто вспомнив, как ощущались на ней и что творили эти руки двенадцать лет назад, заныла и враз потяжелела. И словно бы и не было всего этого времени, не случилось никогда моего побега не столько от Максима, сколько от себя и своей невесты откуда взявшейся порочности. Одно столкновение взглядов – и вот она я, стою в безвоздушном пространстве и ощущаю себя снова прижатой к той проклятой стене его сильным гибким телом, окутанной его запахом, который, оказывается, не вытравила из памяти, и каждое мое нервное окончание поет песню восхваления и покорности его запретным прикосновениям. И каждое слово из тех, что, захлебываясь, шептал он тогда и интимнее которых не слышала, опять гладким шелком проскальзывают в меня, будоража и лаская изнутри, нежно, но смертельно опасно обвиваясь вокруг сердца.

Черт! Черт! Черт! Я же не найду новое место так быстро! Да и Дэну скоро нужны будут деньги, я ему обещала в долг дать на пару лет, пока раскрутит свою новую фишку. И Ста-

сику нужен сейчас тщательный уход. Нет, без работы никак. А в нашем небольшом городе с ней напряженка...

Моргнула и снова встретилась с ним взглядом, на этот раз явно вопросительным, и вернулась в реальность. Да уж, эта неделя далась мне нелегко, это мягко сказано. Но, с другой стороны, кого винить, кроме себя и своей чрезмерно хорошей памяти, которая упорно гадила мне, устраивая эти моменты зависания каждый раз, когда мы оказывались наедине. А случались они постоянно, потому как новый директор выдергивал меня к себе, на мой взгляд, по поводу и без оно-го. Но, как говорится, где мой взгляд, а где начальства. Одно радовало – у Максима... Владимировича, похоже, память была девичья, и ни разу я не засекала ни малейшего намека на то, что он помнил о случившемся в нашем кратковременном общем прошлом. Он вообще смотрел на меня как на едва знакомого человека, с которым никогда в жизни не пересекался и нет ни единого повода выделять его из серой массы окружающих. И мне бы этому радоваться, но нет. Непонятно почему каждый раз ощущала себя совершенно по-дурацки разочарованной. Так и приходило на ум сравнение с тем глупым детским фильмом, где вместо сладости могла попасться конфета со вкусом какой-то гадости.

– Что из сказанного вам опять непонятно, Светлана Николаевна? – Если бы голосом можно было замораживать на месте, я уже была бы сосулькой.

Поколебалась секунду, но решила ответить правду:

– Все, Максим Владимирович.

– Как же вы, такая непонятливая, столько времени умудрялись быть помощником генерального директора? Или вы... кхм... другими талантами блистали?

А вот это уже перебор. Все понимаю, могу не устраивать его сто раз, но это не повод позволять себе подобное! Вздернула подбородок, стремясь пронзить его насквозь убийственным взглядом.

– Я... уволена? С формулировкой «за несоответствие занимаемой должности»?

Давай, скажи «да», и это не пойми что, творящееся со мной, наконец закончится.

– Прямо сейчас – нет, неохота мне с аттестационными комиссиями заморачиваться, – Максим встретил мой вызывающий взгляд своим нечитаемым и непроницаемым, с легкостью отражая мой почти открытый визуальный выпад. – Но если еще раз позволите себе витать в облаках, вместо того чтобы записывать задание, то придется рассмотреть, очевидно, именно такой способ решения проблемы. Повторяю, пригласите, пожалуйста, свою напарницу. И организуйте нашу совместную встречу так, чтобы телефоны в приемной не разрывались.

На негнущихся деревянных ногах я вернулась на рабочее место, попросила Мартышку предупредить наших палочек-выручалочек из филиалов, а сама быстренько набрала сообщение нашей кадровичке.

– Тетка, ты чего такая? Вздрынули, чё ле? Говорила я тебе, не зли ты его, прекращай этот маскарад. У него вон, глаз каждый раз дергается, когда он видит эти твои колготы розовые ядреные или хвостики дурацкие. Ну ты чё, совсем попутала? Есть же у тебя одёжа нормальная, фигли ты выкобениваешься?

– Ляля, да пойми ты, ну не могу я ему спустить на тормозах эти его взгляды презрительные, как на насекомое, ей-богу. Вот чего он в самый первый день прицепился к моему «Friday casual» виду? В крупных компаниях в конце недели это повсеместно практикуют – и у нас, и за рубежом. И потом, ты же помнишь, что мы его не ждали так рано, он же должен был в понедельник приехать. Вот и встретили бы честь по чести. С хлебом, блин, и хре... то есть солью, – возмутилась я, пытаюсь за недовольством скрыть свое смятение после очередной встречи с директором.

Неужели все настолько заметно, что даже Ляля, которая, кажется, никого и ничего не видит кроме себя любимой, рассмотрела, как меня потряхивает? Господи, это какой-то проклятуший провал в прошлое, где я снова вся потею, злюсь и теряю все самообладание до последней капли от каждого взаимодействия с Максимом. Вот только он уже больше не преследующий меня из-за буйства гормонов мальчишка, а взрослый, но от этого не менее невыносимый мужчина. Это что за судьба у меня такая, постоянно пребывать в роли его жертвы так или иначе? Ладно, надо успокоиться. В самом

деле, все же не так критично?

– Ляля, пожалуйста... – устало отмахнулась я, когда она открыла рот, чтобы продолжить дискуссию на тему моего внешнего вида.

– А и верно. Ну, подумаешь, ну выгонит он тебя. Так я-то останусь по-любому. Придумаем чё-нить, прорвемся!

Заботливая моя Мартышка. Аж от сердца отлегло. Даже улыбнулась.

– Хм, а ты почему так уверена в том, что останешься?

– Дак а как иначе? Я же красивая и не злю его, улыбаюсь ему все время. А он красивше и не найдет у нас. Зачем ему уродина в приемной?

Я аж застонала, схватившись за голову. Вот хочешь – плачь, хочешь – смейся. И я еще взвилась из-за вопроса Максима с сальным намеком? Чего пениться, если вот оно, сокровище, само на все готовое и даже свято уверенное, что так все и быть должно.

– Ляля, не беси меня. Ты думаешь, он не может себе секретаря нормального откуда угодно выписать? Хоть из Москвы?

– Ой, да ладно. Из-за секретаря так заморачиваться! И потом, я же ему ни в чем не откажу, если чё. И не зыркай ты так на меня. Да дура буду – такому мужику отказать! А ведь и замуж, глядишь, позовет. Тогда вообще волноваться не о чем будет. Уж хоть кладовщицей-то я тебя устрою.

– Девушки, если вы закончили обсуждение наполеонов-

ских планов по налаживанию взаимовыгодных отношений с руководством, прошу зайти. У меня, если вы, Лилиана Маратовна, не забыли, в 15:00 телефонная конференция. Надеюсь, вы ее подготовили?

Взглянув в круглые глаза Ляли, я обреченно вздохнула. Так и есть. Она не просто ее не подготовила должным образом, она вообще пропарила это задание. Ну что за бестолочь, прости господи!

– Где тема на телконф? – прошипела я рассерженной гадюкой.

– Я не записа-а-ала-а-а, – испуганно всхлипнула длинноногая дурында.

– Кто? – спросила я, одной рукой подталкивая ее к зеркалу и знаками показывая, что надо подправить макияж, а второй набирая внутренний номер.

– Генерал, основные производства и еще кто-то, не помню.

– Александр Нилович, – громким шепотом протараторила я в трубку, – вам новый не говорил ничего о телконфе на три сегодня? Ага, ага, то самое. Александр Нилович, выручите, я забыла все на свете. Нет, честно, она ни при чем, это я пропарила. Попросите Олечку, чтобы она всех остальных оповестила, лады? А то я уже на пороге его кабинета прямо стою. Песочить, небось, будет. Угу. Обеих.

Влетела я в директорский кабинет через несколько секунд после Ляли. Она уже сидела напротив Максима Влади-

мировича, безоблачно улыбаясь, как будто и не всплакнула только что в приемной: и нос не красный, и глазки успела поправить, и губки слегка надуты – вроде и игриво, но не пошло... Ляля есть Ляля. На пару мгновений директор остановил взгляд на моем лице, потом нахмурился, словно на себя за что-то рассердился, чуть дернул головой и отвернулся.

– Присаживайтесь, Светлана Николаевна. Будем решать, что делать с вами обеими.

Он откинулся в кресле, сложил на груди руки, в очередной раз провоцируя меня зацепиться глазами за то, как натянулась ткань белоснежной рубашки на мощных предплечьях, и осмотрел нас теперь уже с видом хозяина, выбирающего на базаре лошадь. Показалось, что на мне его взгляд задержался немного дольше, чем на «напарнице», как он вежливо окрестил мою бестолковую наперсницу, бывшую больше украшением, элементом декора приемной, нежели профессиональным документоведом, как числилось в ее трудовой книжке.

– Итак, что я увидел за эту неделю. В моей приемной сидят две, кхм, дамы, предназначение и роль коих мне не совсем понятны. – Театральная пауза, в которой отчетливо раздался трепетный прерывистый вздох Ляли. – Одна радуется глаз и вполне способна услаждать слух, если держится в рамках литературного русского языка. – Щеки девушки порозовели даже под слоем косметики, и она кокетливо потупилась. – При этом ни одно из порученных ей заданий не было

доведено до конца либо доведено в таком состоянии, что результаты можно считать ничтожными. Это относится к вам, Лилиана Маратовна.

Плечи Ляли поникли, и она даже осмелилась бросить на Максима краткий, полный упрека взгляд, что, однако, был полностью им проигнорирован, так как все внимание уже сосредоточил на мне.

– Вторая же... – Голос директора стал жестче, и он на мгновение сжал челюсти так, что заиграли желваки, пока сверлил в неподвижно замершей мне дыру размером с обеденную тарелку. – Тут чуть сложнее. Рекомендации вам, Светлана Николаевна, я слышал от самых разных людей: и молодых, и зрелых сотрудников, из разных отделов и даже от заказчиков. Все поют вам однозначные дифирамбы – вашему уму, смекалке, опыту и умению взглянуть на любую проблему под таким углом, что именно вам чаще всего приходят в голову гениальные в своей простоте и изяществе пути решения того или иного вопроса. Не могу сказать, что согласен со всеми пунктами, озвученными вашими коллегами, при этом, без всякого почтения к вашему полу и возрасту, вынужден констатировать тот факт, что выглядите вы, очень мягко говоря, совершенно неприемлемо для занимаемой должности. Неопрятно, несерьезно, нелепо, вызывающе. Цирк уехал – клоуны остались, одним словом.

Ляля в этот момент не выдержала и прыснула в аккуратный кулачок, но тут же проглотила смешок, поймав два

взгляда: недовольный со стороны руководства и мой – обещающий кары небесные, не описанные ни в одной из знаковых ей книженций. Прозвучали ли его слова обидно? Ну, с одной стороны, на правду не обижаются, тем более что именно такого образа я умышленно придерживалась всю последнюю неделю, так что скорее это уж признание того, насколько я могу быть убедительна. Но совсем чуточку все же царапнуло – все-таки я женщина, и слышать такое из уст привлекательного, чего уж там стесняться, мужчины, приятного мало. И, конечно, вовсе не потому, что сказал это именно мой хронический мучитель со склонностью к частым рецидивам.

– К тому же, Светлана Николаевна, вы частенько позволяете себе возражать мне, дерзите, намекая на некое несправедливое отношение к вам лично, либо наоборот – витаєте в облаках, и мне приходится повторять свои распоряжения дважды, чего я категорически не люблю. Далее, чтобы вы понимали однозначно, прозвучит не предложение, а ультиматум. И это я еще милосерден к вам, исключительно из уважения к Александру Ниловичу. Я даю вам время до Нового года. Либо красавица наберется ума и начнет наконец выполнять работу адекватно ее зарплате, либо умнице придется приложить весь свой немалый, я уверен, жизненный и рабочий опыт, дабы выглядеть соответственно роли помощника генерального директора, который обязан быть лицом и визитной карточкой предприятия не только по телефону и в

переписке, но и живьем, так сказать, и заодно научиться проявлять должное уважение к своему непосредственному начальству. С января следующего года в МОЕЙ, – он подчеркнул это слово, – приемной будет сидеть или одна из вас, или же, как прозорливо предположили вы, Светлана Николаевна, я озабочусь поиском адекватного сотрудника на данную позицию. На этом вы свободны. Оповестите участников, что я готов начать дистанционное совещание. – И царственным взмахом руки Господин Зануда и Придира велел нам убраться долой с его глаз.

Я, честное слово, не знаю, что руководило моими дальнейшими действиями: была ли это интуиция, просто вопившая об очередной внезапной подставе, или же банальное знание моей наперсницы, путавшей все на свете. Но, подойдя к рабочему месту, я проделала все манипуляции, необходимые для подключения к режиму конференции. Ляля стояла рядом с круглыми от недоумения глазами и беззвучно вопрошала, какого, собственно...

– Главный энергетик?

– Здесь.

– Основное производство?

– На месте, мы тут все, вместе с качеством.

– Логисты?

– Так точно.

– Кадры?

Тишина в ответ. Быстрый взгляд на «мое блондинко» и ее

каблуки. Та, вот уж действительно: жить захочешь – и не так раскорячишься, сняв модные туфли, босиком рванула за дверь за кадровичкой, ибо из приемной позвонить уже не вариант – слишком хорошо все будет слышно директору.

– Александр Нилович, вы уже с нами?

– На месте, Максим Владимирович.

– Еще раз, кадры?

– Здесь кадры, – бодро отрапортовала я, нимало не смущаясь тем, что мой голос известен ну абсолютно всем участникам. – Кадры здесь, прямо в приемной, но говорить буду я, потому что... – надеюсь, легкой заминки никто не заметил, – Татьяна Владимировна... у нее... э-э-э... сел голос, вы бы ее не слышали.

– Вот как? – Я прямо воочию увидела, как взлетает в недоумении его бровь. И лишь держала кулаки вместе со скрещенными пальцами, чтобы все остальное прошло гладко: чтобы Мартышка не влетела с воплем, чтобы дверь за Татьяной Владимировной не хлопнула слишком громко, чтобы, в конце концов, этот растреклятый директор, его в бога душу мать, не вздумал прямо сейчас подойти к двери и проверить наличие «кадров» возле моего стола...

Повезло. Дверь даже не скрипнула, когда сквозь нее просочились перепуганные Ляля и кадровичка – аппетитная дама средних лет, все последние годы лихо справлявшаяся с любыми проверками, устраиваемыми нашему комбинату трудовыми инспекциями, но при этом до обморока боявша-

яся нового директора. Только она открыла рот, чтобы произнести свое коронное с придыханием «Дра-а-асцы», как я свирепо надула щеки и приложила палец к губам. Моя перекошенная рожа, очевидно, произвела правильный эффект – девчонки не проронили ни звука, а я продолжила:

– Да, вирус какой-то дурацкий, простите, отвлеклась.

Стоявшей за плечом Татьяне Владимировне успела нацарапать на стикере: «Молчите. Вы, типа, голос потеряли!» Она только мелко затрясла кудряшками, мол, понимаю, молчу.

– Так, буду краток. Главный акционер собирается инициировать процедуру сокращения штата: на пятьдесят процентов административно-управленческий персонал и инженерно-технических работников и, к сожалению, рабочих тоже, но не более чем на десять-пятнадцать процентов. Какие мы можем озвучить аргументы против? Что имеем предложить в качестве защиты наших же коллег?

После секундного замешательства из динамиков раздался неясный гул и бормотание – возмущенное, удивленное, недоуменное.

– Татьяна Владимировна говорит, что если сокращение штата оформлять в соответствии с действующим законодательством РФ, то это, во-первых, займет в лучшем случае 4-5 месяцев подготовки, а во-вторых, если вы не помните, потребует выплат среднемесячного заработка в течение трех месяцев со дня увольнения, поскольку именно так прописано в

нашем коллективном договоре, и не забывайте, что к этому добавится приличное количество компенсаций за неиспользованные отпуска. В общем, на эти деньги можно открыть новое производство, вот честно.

– Ну, надеюсь, Татьяна Владимировна при этом понимает, что суммы, о которых она так переживает, – разовая потеря. А мы сейчас говорим о долгосрочных перспективах. Которые не так уж и радужны в нашей отрасли.

– Вообще-то, последний SWOT-анализ, проведенный независимым центром, показывает минимум рисков и угроз на ближайшие годы, а за это время...

– Вообще-то, я хочу услышать мнение всех приглашенных, а не только Татьяны Владимировны, уважаемая Светлана Николаевна. К тому же то, что вы только что с таким пафосом изрекли... скажем так, неубедительно.

Меня просто... заткнули?

– Но...

– Александр Нилович, что с анализом простоев оборудования за последние шесть месяцев?

– Процентов... э-э-э... шестьдесят-шестьдесят пять обусловлены объективными причинами: погодные условия и некоторые политические... э-э-э... моменты, повлекшие необходимость заключения договоров поставки сырья и оборудования взамен импортного...

– Допустим. Что с оставшимися тридцатую пятью?

Черт! Он умеет склонять числительные?! А, ну да, забыла

совсем. Он не только числительные умеет склонять...

– Там ситуация, скажем так, в основном вокруг человеческого фактора пляшет.

– А как нам этот фактор может прокомментировать специалист в области человеческих ресурсов и управления персоналом? – Ну-ну, типа мы тут лаптем щи хлебаем и не понимаем, в чей огород камень запустили.

От злости аж сжала кулаки. Но, раз уж взялась за Татьяну Владимировну вещать – надо вещать, причем только до победного. Не могу я так ее подвести. Только вот, боюсь, защищая ее, невольно подставляю шефа. Бывшего. Но оставшегося другом и, в меру сил и возможностей, покровителем.

– А очень просто может прокомментировать этот фактор служба по работе с персоналом. Комбинат является градообразующим в нашем небольшом городе, за исключительно редким числом наши сотрудники – местные жители. Не мне вам объяснять ситуацию с кадровым голодом и ограниченностью бюджета, не позволяющими ни найти специалистов высокого уровня на месте, ни выписать таковых из крупных городов – люди сюда не хотят ехать на тех условиях, которые мы можем им предложить. Шесть месяцев назад, после, кхм, неприятного инцидента, у нас уволились несколько ключевых специалистов в области основного производства. К сожалению, кадровый резерв по этим позициям оказался на тот момент недостаточно подготовлен. Люди растут. Так сказать, в полевых условиях. Набивая собственные шишки...

– Простите, Татьяна Владимировна, я ведь правильно понимаю, это же именно вы разговариваете со мной голосом Светланы Николаевны? Так вот, Татьяна Владимировна, а что вы столь тактично и деликатно называете «неприятным инцидентом»? Факт причастности менеджеров высшего звена к воровству? Многолетние откаты, получаемые ими от поставщиков сырья, некачественного, должен заметить? Или удивительное стечение обстоятельств, заключавшееся в том, что этими пойманными оказались члены одной семьи?

Мой судорожный полувздых-полувсхлип, наверное, услышали все участники совещания. Ну, с-с-сука. Договаривались же не поднимать эту тему вслух!

– Максим Владимирович, виновные наказаны. Мы пережили это еще полгода назад.

– Ну, вы-то, может, и пережили. А вот производству до сих пор аукается. И продажам аукнется еще не раз. Вы готовы к рекламациям, которые могут начать валиться на нас через пару-тройку месяцев? С каких таких херов вы собираетесь заменять продукцию клиентам, пострадавшим от некачественных поставок с нашей стороны? Или надеетесь обойтись скидками на следующие партии? Вы тут слепые или блаженные все, а?

Вот честно, у меня, скажем прямо, не такой уж и большой опыт в смысле смены коллектива. В школе я проработала меньше года, а после школы это всего второе мое место. Да и с начальниками дважды крупно повезло – они были гра-

мотными, терпеливыми, хоть и не без тараканов, конечно, и оба здорово меня выручили в свое время. Но то, что я слышала сейчас, вызывало во мне прямо противоположные чувства: ненависти и восхищения. Эта, несомненно, очень умная, близко к гениальной, но абсолютно беспощадная и игнорирующая какие бы то ни было авторитеты скотина, практически не применяя бранных слов, возюкала мордами по столам моих коллег. И что самое печальное – он был прав.

Коммерция перестроится, но это займет время и нервы, снабжение тоже найдет выход из положения, хотя народ будет просто жить в рабочих кабинетах, проклиная все и всех на свете. Девчонок из столовой ужасно жаль, но я давно говорила Генералу, что мы рано или поздно вынуждены будем отказаться от убыточного участка – проще закрыть совсем, чем объяснить работягам, почему привычный комплексный обед за семьдесят пять рублей вдруг начал стоить в два с половиной, а то и три раза дороже.

– Так что вот так, коллеги. Сокращение рабочих специальностей я пока придержу своей властью и авторитетом. И попробую вместе с вами сохранить места для ИТР, но все равно не в полном объеме, с этим вам придется смириться. Но легко не будет. А тем временем, через неделю я лично начну проводить внутреннее обучение руководителей структурных подразделений в рамках планируемых нововведений. Расписание мне поможет составить Татьяна Владимировна. Поможете, уважаемая?

– Да, Максим Вла... – истерично возопила забывшая о «больном» горле кадровичка, закашлявшись от вида моего кулака, возникшего прямо у ее носа.

– Вот что животворящие совещания делают, – с явным сарказмом прокомментировал шефус-монструозус. – Прямо на глазах народ выздоравливает. Александр Нилович, зайдите ко мне, пожалуйста, живьем, так сказать.

Глава 5

Пользуясь внезапным отъездом нового начальства по филиалам – с первой то ли проверкой, то ли знакомством на местах – мы с Лялей расположились в конце рабочего дня прямо за столиком для посетителей в приемной и мрачно жрали в два рыла здоровенную шоколадину, которую ей притащил один из сотни вечных воздыхателей, запивая ее растворимым пойлом, что по недоразумению кто-то принимал за кофе.

– Тетка, ну ты же реально можешь нормально выглядеть! И задница у тебя как орех, и ножки – не, ну, не такие, как у меня, конечно. Но для сорокалетней тетки вполне себе даже. Вон, хоть у Дэна спроси, он подтвердит. И правильно Максюша сказал – он тебе слово, ты ему два поперек, неужели не можешь помолчать и поулыбаться?

– Мартышка, да не в том дело! Неужели ты не понимаешь? Ну почему человек, без году неделя на производстве, ходит и носом крутит – то не так, это не эдак. Ведь мы работаем как всегда! И потом, что за дела, а? Какой-то молокосос позволяет себе делать такие унижительные замечания в мой адрес? Или я дрессированная зверушка, которая по щелчку пальцев должна подпрыгнуть так высоко, как скажет хозяин? Я что, настолько плохо справляюсь с основной работой? Почему этого недостаточно? Чего он вообще ко мне прицепил-

ся, козлище! – Я нервно потрясла головой, как собака, которой в уши попала вода. И сердито добавила, предварительно пнув по колесу кресла, на котором развалилась Ляля: – И я не сорокалетняя. Мне тридцать пять. С копейками.

– Фу-ты, ну-ты, четыре года всего до сороковника. Не бе-си меня, тетка! Тебе, между прочим, проще. Делов-то! На-пялить костюм какой-нить официальный вместо твоих раз-гильдйских прикидов и все! Ну, накрайся там еще, как я тебе показывала, помнишь? Волосы утюжком вытяни, каб-луки не забудь. Пушاپик обязательно и блузочку расстегни, ну ты прям как маленькая. И улыбайся ему молча. А мне вот эти книжки твои дебильные каждый день читать надо и сло-ва заумные учить! Вот на кой ляд мне это, а? Чё я в постели мужика словесами должна мудреными ублажать? Дурь, как есть дурь распоследняя! Если бы это был не красавчик Мак-сик, послала бы далеко и надолго.

Стиснув зубы от неожиданной волны злости, прокатив-шейся по позвоночнику от слов Лилианы, я поплелась на вы-ход, еле вытолкнув из себя:

- До завтра, Пигмалион ты мой.
- Эт кто? Тоже про финансовый маркетинг писал?
- Менеджмент.
- Что?
- Финансовый менеджмент.
- А это разве не одно и то же?
- Нет.

– А этот, Пигмалион который, он по менеджменту или маркетингу?

– Этот занимался... э-э-э, тренингами по личностному развитию.

– Как его, коучер, да?

– Ну, типа того.

– Вот бы к такому попасть.

– Боюсь, это невозможно, моя хорошая.

– Вот чё они все, суки такие, живут в Москвах и берут так дорого, а? Простой смертный и не пробьется к ним!

Вспомнила Пушкина и почувствовала себя золотой рыбкой: ничего не сказала я Ляле, лишь вильнула хвостом и уплыла в синее море, то есть цапнула свою сумку и молча ушла домой.

Но напрасно я думала, что больше чем Ляля меня уже никто не сможет выбесить.

За проходной ждал Дэн. Он частенько встречал меня в темное время – в том районе страшновато одной добираться вечерами. Все-таки промзона – это тебе не центр освещенный. Как всегда, он сграбастал меня в свои медвежьи объятия с очередным дебильным воплем:

– О, Светик, ты наконец откинулась!

– Дэн, прекращай паясничать, – полузадушенно прохрипела я откуда-то из-под его подмышки.

– Светлана Николаевна, а вы уверены, что мужчина, столь близко знакомый с тюремной лексикой, понимает значение

этого глагола? – Как гром среди ясного неба послышался ненавистный голос моего персонального исчадия ада. Блин, он что, уже вернулся?

– Светик, шо за перец нарисовался рядом с тобой? Может, исправить ему картинку на роже лица? – поинтересовался произведенный почти в эки Дэн.

– Дэн, умоляю, заткнись.

– А шо такое? – удивился мой герой.

– Дэн, это мой новый начальник, – уже чувствуя полыхающие от стыда уши, зашипела я, дергая защитничка в сторону и за себя.

– А Генерала куда дели? Славный ведь дед был. И добрый. И щедрый. И умный, в отличие от...

– Господи, замри, несчастный! Максим Владимирович, вы нас простите, мы пойдем, пожалуй.

– Как скажешь, дорогая. Дома, кстати, Стасик больной ждет. Я ему лекарство дал, а он раскапризничался, маму ему, видишь ли, подавай. А ты, товарищ новый начальник, мою Светулю обидеть не моги – есть за нее кому подписаться...

Вконец ополоумев от неловкости и стыда за разыгранную Дэном сценку, я дала ему подзатыльник, больно ушибив при этом руку, и потащила изо всех сил от проходной, на ступеньках которой каменным изваянием застыл директор.

Отбуксировав засранца на приличное расстояние, я, уже не сдерживая злых слез, развернула его к себе и заорала прямо в изумленное любимое лицо:

– Ты, гад такой, понимаешь вообще, что ты натворил только что? Ты вообще своим боксерским мозгом ушибленным соображаешь, что я могу завтра с работы вылететь за такое обращение к директору?

– Масыня, ну чего ты так разошлась, – немного испуганно принялся оправдываться мужчина. И я понимала, что испугался он не меня, а за меня – наверное, он ни разу меня такой не видел. – Да ну, ты чё? Если он нормальный мужик, то поймет и цеплять тебе не будет. А если не нормальный... Да и фиг с ним тогда!

– Да что вы говорите! Фиг с ним? Может, ты подскажешь, кто пойдет искать работу на следующий день после моего увольнения из-за неуважительного отношения к руководству? Ты, пан Великий спортсмен? Или Станислав Данилович?

– Мась, ну прости. Ну, я больше не буду, ну честно-честно, – и глаза такие щенячьи соорудил, и с обнимашками полез, так что я в очередной раз сдулась, как проколотый воздушный шарик. Только истерично хохотнула и потопала по направлению к остановке.

Да, конечно, потеряв нынешнюю работу, я лишусь самого главного – дохода, достаточного для содержания нашей небольшой семьи, в которой именно я была основным кормильцем. Надеюсь, ненадолго. И если в поисках работы будем вынуждены снова переехать в другой город, я прорвусь – зубами выгрызу достойное существование. К тому же я знаю,

что, если мне надо, я могу сутками работать, не отвлекаясь ни на что. Значит, карьеру получится выстроить быстро. Даже если опять придется быть жесткой не только по отношению к себе, но и к другим, включая моих мужиков. А это я умела. Не любила, но в свое время пришлось научиться быть и такой...

В семь двадцать утра я, как обычно, вошла в приемную. Клацнула выключателем, стянула куцую синтетическую шубейку, поставила на место сумку, из мягоньких уютных войлочных «прощаек» перелезла в офисные туфли, включила комп и сразу загрузила все рабочие программы: почту, локальный чат и 1С. Затем подошла к «кухонному» шкафчику и подготовила шефу утреннюю кофейную пару: блюдце застелено кружевной салфеткой, ложка с правой стороны, ручка самой кружки тоже повернута вправо, слева один кусочек тростникового, мать его, коричневого сахара, ровно «на двенадцать» – прозрачный кусочек лимона. Со всем этим четко выверенным великолепием прошла в директорский кабинет, переставила календарь, включила кофемашину (чтоб ее черти взяли, железяку капризную!), водой из поддона кофеварки полила сиротливо стоящую в углу юбку, приоткрыла окно на проветривание, окинула строгим взором обстановку – ага, кресла после вчерашнего заседания уборщица так и не по-

правила, сейчас подвинем, а то зыркать буде-е-ет... Пробежалась пальцем по корешкам книг, выставленным в директорском кабинете для общего пользования (под мой строгий учет и контроль, естественно!), переставила по росту и толщине.

За несколько недель этот Гадский Гад запугал уже всех. Достал, вызверил, зае... задрал, короче. Вообще всех. Начнем с того, что он был громким сам по себе. Ну вот просто громким, даже когда спокойно разговаривал. С учетом того, что он еще и изрядно басил, да с такими децибелами, эффект оказывался ошеломительным. Если он выражал свое недовольство и всего лишь невольно повышал голос чисто интонационно, народ судорожно вытирал холодный пот. Но уж когда я слышала, как он ругается с кем-то... Вот там звуковой волной реально сносило. Сперва я думала, что он доводит до памороков только некоторых слабонервных дамочек. Но нет. Наши мужики после приема у нового директора реально пили валокордин. Точно знаю, ибо мои запасы они регулярно и выхлестывали. Уже пару раз покупать приходилось. Непробиваемыми, на первый взгляд, казались только мы с Лялей. Она – в силу стопроцентной убежденности в собственной небесной красоте, способной сохранить ей рабочее место в компании, а уж где именно – не столько важно, лишь бы там «финансовый маркетинг» и «менажемент» не понадобились. Я – просто потому, что до сегодняшнего дня еще как-то пыталась примирить себя с действительностью.

Надо сказать, не самой приятной.

А вдобавок к своей нерегулируемой громкости он был... Зануда. Вот именно так – с большой такой, огромной буквы Зануда. И совал свой нос совершенно всюду и буквально в каждую, прости господи, дырку. Отхватывали все и за все: Генерал за необоснованные простои основного производства, главный инженер – за несоблюдение бюджета и сроков модернизации цехов, коммерческий – за низкие продажи, снабжение – за недостаточно оптимальное, по мнению господина Шереметьева, соотношение цена-качество на сырье, кадры – за устаревшие регламенты и не актуальные программы кадрового резерва, финансисты – за отсутствие налаженной системы кредитования оборотных средств предприятия, аййтишники – за то, что вовремя не предусмотрели необходимость покупки новых, более мощных серверов и не заложили эти суммы в бюджет, Ляля – за слишком темный зеленый чай и слишком бледный черный. А я... я выслушивала то, что недослушали все остальные. Орал ли он на меня? Нет. Но то, что он говорил, было больно слушать. Потому что он кругом был прав. Как на том самом первом совещании. И если смотреть на ситуацию его глазами, то мы действительно медленно тонули в глубоком болоте, из которого надо срочно выбираться. И хвататься надо было за все и сразу. Я и хваталась – каждый день приходила в семь двадцать, оставалась до восьми вечера, выходила на работу почти все выходные подряд. Зачем, спрашивается? Ради чего?

Ради работы, которую жаль потерять? Ради семьи, которая сейчас держится на мне? Или в большей степени ради возможности все же слушать этот рокочущий голос и изредка ловить взгляд холодных зеленючих глаз? Нет. Достаточно. Если меня сократят или уволят – пофиг! Значит, именно так и должно все произойти. Пора расслабиться, наконец, и, что называется, испытать дзен.

Вернулась за свой стол и села перебирать документы для шефа. С некоторой мстительной радостью обозрела папку из бухгалтерии – страниц пятьдесят, не меньше. И все только на живую подпись. Красота! А вот мы еще согласованные договоры сюда же пихнем, кучу допиков и спецификаций – рычи, рычи, скотинко бешеное!

В изумлении слышала решительные шаги – это еще что такое, в половине восьмого утра-то? Обычно он приходил в восемь тридцать – секунда в секунду, когда уходил – не знаю, но ни разу не раньше меня, как бы допоздна я ни задержалась. Максим Владимирович ворвался в приемную как всегда – рывком, распахивая дверь так, как будто она была последним препятствием на пути достижения заветной цели. Сделал несколько шагов, уткнувшись глазами в свой айфон, и только в центре помещения заметил меня, вскинул голову, медленно и внимательно осмотрел черные туфельки на устойчивом низком каблуке, серое платье – строгое, офисное, с закрытым воротничком-стойкой и длинными рукавами, аккуратный пучок на голове, никакой косметики, ноль

украшений – идеальная секретарша, глазу зацепиться не за что, придраться не к чему, взглянул на висевшие над дверью часы, дернул уголком рта в излюбленной саркастической усмешке.

– Какое похвальное рвение, уважаемая Светлана Николаевна. Мало того, что каждый день допоздна задерживаетесь, так еще и ни свет ни заря приходите. А что так? Не успеваете справляться со своим объемом в течение восьми часов рабочего времени?

Ну, сука! Ты еще и упрекаешь меня в этом? Набрала было воздуха, чтобы в конце концов рывкнуть так, как хотелось все эти дни, но... решила отпустить ситуацию и не яриться раньше времени. Пусть его!

– Да я-то, собственно, всегда здесь в это время, а вот вы сегодня что-то рано проголодались, – с милой улыбочкой надерзив (фу-у-ух, аж полегчало, столько времени терпела и рот держала на замке), я безмятежно повернулась к нему спиной и потянулась через стол за пикинувшим телефоном.

– Что, простите? – изумился звучанию моего голоса привыкший за последние недели к смиренному молчанию директор.

– Говорю, на час раньше за свежей порцией крови пришли.

– А-а-а, вы в этом смысле, – Максим Владимирович выразительно дернул бровью и снова внимательно меня осмотрел, задержав взгляд на регистрационной папке, которую я при-

держивала отставленным бедром. — Кстати о крови, раз уж мы заговорили об этом. Организуйте-ка машину для встречи в аэропорту моего гостя.

— Имя, контакты, детали рейса?

— Алекс М. Гордон, остальное уже у вас на ватсапе. И, пожалуйста, будьте так любезны, запланируйте на двенадцать совещание в следующем составе: Александр Нилович, Татьяна Владимировна, вы и ваша, хм, напарница.

— Принято, Максим Владимирович.

Ну, вот и приехали, Светик. Похоже, твои натужные старания прилично выглядеть и мило улыбаться пошли коту под хвост и сегодня все решится окончательно и бесповоротно.

К двенадцати я почти окончательно успокоилась, классные все же травки собирает наша Татьяна Владимировна, Ляля успела пореветь, даже она, будучи круглой душой, поняла, что в таком составе принимают только одно решение: как уволить, чтобы не создать проблемы компании. Только вот интересно, кого он в приемную посадит, придурок? Сам будет звонки отвечать и кофе посетителям делать?

За пять минут до двенадцати, когда Татьяна Владимировна и Нилыч уже сидели в приемной, а Ляля переключала наши линии на филиалы, раздался звонок на мобильный от водителя.

— Николаевна, а куда эту тащить?

— Валер, кого эту? Говори быстрее! У меня минута всего.

– Да дамочку эту странную.

Боже, боже, кого еще нелегкая принесла? Или... это и есть его посетитель?

– Тащи в приемную, Валер. Только нас тут уже нет, мы у него на «стирке».

– Тю, Николавна, да уж тебя-то за что полоскать? Работаешь как пчелка, света белого не видишь.

– Все, Валер, некогда.

Пригладила выбившуюся из «гульки» прядку, взяла ежедневник и ручку, осмотрела приготовившихся к экзекуции и с натянутой улыбкой произнесла:

– Ну что, готовы?

– К такому подготовишься, – промокнув снова заблестевшие в глазах слезы, всхлипнула Ляля.

Стукнув один раз, открыла директорскую дверь и спросила от порога:

– Максим Владимирович, на двенадцать все готовы, заходить?

– Да, пожалуйста. Встретили моего гостя?

– Предположительно поднимаются на этаж.

– Задержитесь в приемной и покажите, где можно подождать и выпить кофе.

– Хорошо, Максим Владимирович.

Пока все рассаживались за приставным столом для совещаний, я, оставив крохотную щель, вернулась на свое место и еще раз перепроверила переключение линий, дрожащей

рукой потянулась за чашкой с травяным сбором, но остановила себя: перед смертью не надышишься. Пусть уже все поскорее случится.

Решительный цокот каблуков, сопровождаемый странным дребезжащим звуком и невнятными причитаниями водителя, я услышала буквально через пять минут ожидания.

– Дальше я сама, спасибо, котик, – раздался низкий, с сексуальной хрипотцой женский голос, и в приемную, сопровождаемая горой моднящих и дорогущих чемоданов на колесиках, всплыла ОНА – зуб даю – новая хозяйка приемной генерального директора.

От шока я не могла заставить себя закрыть рот. Высокая, не меньше метра восьмидесяти, плюс невероятной высоты каблуки уж точно оригинальных Лабутенов серебристого цвета, черные кожаные штаны, сидящие в облипочку на стройных ногах, в тон туфлям свободный блузон, огромный красный браслет, даже издали видно, что не какая-то там бижутерия, такие же серьги, стильные очки в красной же оправе и шикарный мохнатый жилет из неизвестного мне серебристо-серого зверя...

– Закрываем ротик, детка. Иначе я подумаю, что ты плохо воспитана. М-м-м? Ты его помощник? Да, да, я понимаю твой восторг и изумление, но помощник генерального директора должен уметь держать лицо в любых ситуациях – от восхищающих до ужасающих. Итак, меня зовут Александра Мервиновна Гордон. И я тебе Максюшу не отдам. По край-

ней мере, пока не отдам. Ты допустила, чтобы мою рыбку золотую довели до состояния круглосуточно рычащего неандертальца. Так нельзя, киса.

Дверь кабинета начальника буквально взорвалась.

– Мортиша! Наконец-то! – Максим Владимирович, да-да, тот самый злобный монстр и мерзкая скотина с ошеломляюще радостной улыбкой, какой-то прям мальчишеской, накинулся на гостью и принялся ее практически тискать на моих глазах!

– О! Государь изволит гневаться? Ну-ну, дай мне неделю на наведение порядка. Мою рыбку обидели, корма не насыпали, аквариум не чистят, изверги... – ворковала эта невероятная, восхитительная, потрясающая женщина лет шестидесяти с копейками, не меньше, полузадушенная медвежьими объятиями директора. Она похлопала его по спине и даже – клянусь, я не поверила своим глазам – умудрилась погладить огнедышащего дракона по голове.

Я толком не могла сосредоточиться, когда входила в кабинет следом за сияющим от счастья директором. Блин! Это что за смертельный номер с приручением дикой твари из дикого леса? Она что, бессмертная, или у нее есть волшебная палочка? Как она так с ним управляется? Позволяет себе шутить, даже язвить, гладит его по голове, а он ее ОБНИМАЕТ и УЛЫБАЕТСЯ! Как самый обычный человек. И какая это улыбка! Боже, боже, если бы он хоть раз улыбнулся так мне, я не уверена, что рассудок мой остался бы невредим.

Да чего уж перед собой-то врать и хитрить? Меня тянуло к нему с неодолимой силой. Нет, дело даже не в сексуальном влечении, хотя оно подспудно тоже присутствовало, но лишь смутным фоном. Меня тянуло к нему, как тянет, ну, не знаю, исследователей вулканов или торнадо. Когда он рокотал и громыхал своим басом так, что сотрясались дверцы шкафов, мне было в первую очередь ужасно любопытно, и только потом уже жутко страшно. Мне хотелось подойти еще ближе, провести пальцем по дергающемуся кадыку, разгладить нахмуренный лоб, потереться носом о короткий ежик темных волос, провести ладошками по напряженным плечам – заглянуть в самую сердцевину этой неистовой бури... Скорее всего, любопытство меня сгубило бы. И даже хорошо, что шеф не звал меня на эти «разносные» совещания, где он был столь хорош, что я наверняка не выдержала бы однажды и сотворила какую-нибудь очевидную глупость.

И вот какая-то стару... ну, очень взрослая тетка, которая – я точно это знала – ему не родственница (ну, просто я почему-то слишком хорошо помнила его школьное личное дело) столь вольно себя с ним ведет. Значит... а что это значит?

– Светлана Николаевна, вы опять где-то витеаете? А, между прочим, решается ваша карьера и, возможно, судьба.

– Каким числом писать заявление?

– Какое, позвольте полюбопытствовать?

– По собственному. Готова подписать допик по соглашению сторон. Просто чтобы вы не беспокоились, что я побегу

в трудовую инспекцию и через год поймею вас...

– Ну, не меня, а предприятие. Это во-первых, а во-вторых, уважаемая торопыжка, ваше предложение поймать меня, звучит, конечно, заманчиво и где-то даже лестно, но если подумаете как следует в этот раз, не будете принимать поспешное решение и, прежде чем раздавать оплеухи, так сказать, сперва взвесите все как следует, то...

Мое лицо вспыхнуло, и дальше я уже даже не вникала в произносимую витиеватую фразу с подковырками и шпильками. Я мгновенно и вспомнила почти слово в слово эту фразу про торопыжку, и осознала, что эта невыносимая сволочь прекрасно помнит и меня, и нашу неловкую ситуацию в учительской, и пощечину. А посему то, что я вынесла за предыдущие недели, вполне могло быть элементарной мстостью за давнее унижение.

И тут Остапа понесло:

– Да что тут взвешивать? Да я последние суток дцать своей жизни каждый день собираюсь писать это гребаное заявление! Да я вас видеть не могу, господин Шереметьев! Всю душу вымотали – то не так, это не эдак, почему система не работает, что за бурду вы мне принесли, какой идиот пишет эти регламенты... Да с хера ли я должна знать, почему «Володька сбрил усы»! Я в вашу чертову гениальную голову залезть не могу, а вы объяснять ничего не изволите, мол, мы сами должны все понимать. Да с вами же спокойно работать невозможно! Как были двенадцать лет назад избалованным

любимчиком, которому все можно и который купался во всеобщем обожании, так и... – Я аж руками рот прикрыла, чувствуя, как мучительно краснею под ошарашенными взглядами Нилыча, кадровички и Ляли.

А директор... Твою мать, он улыбался! Довольно шурился и улыбался, глядя прямо на меня. Еще и пальцами шелкнул и громко и отчетливо произнес:

– Бинго! Так, значит, все-таки помнишь?

Дверь без стука открылась, и в кабинет, не обращая внимания на вытянутые лица участников почти что сцены из «Ревизора»,плыла Александра с огромным подносом. Грациозно процокав до стола своими сумасшедшими каблуками по натертому до блеска паркету, она ловко расставила перед всеми чашки, исходящие паром и распространяющие аромат ЧАЯ. Не той подкрашенной пыли, которую мы привыкли заваривать на скорую руку, а настоящего чая, который в каждом крохотном глотке дарит каплю солнца, грамм бодрости, микрон счастья и тонну уверенности в том, что все будет хорошо. К директору она подошла с отдельной кружкой – большой, на пол-литра примерно, белой, исписанной по всей поверхности. Так и не взглянув ни на кого, Александра взяла с подноса молочник – и как умудрилась найти? – тонкой струйкой влила его содержимое в директорский чай, добавила три ложки сахара и размешала, умудрившись ни разу не стукнуть ложечкой о стенку кружки. Пока она проделывала все эти манипуляции, я все пыталась высмотреть, что

же такое было написано на той кружке. И разглядела: «Говорят, что лучше всего, когда Государя бояться и любят одновременно. Однако любовь плохо уживается со страхом, поэтому если уж приходится выбирать, то надежнее выбрать страх. Н. Маккиавели»

Глава 6

– «Здравствуй, князь ты мой прекрасный!

Что ты тих, как день ненастный?

Опечалился чему? –

Говорит она ему...»

Подхватив знакомый ритм, я с кривой усмешкой продолжил:

– «Князь Гвидон ей отвечает:

«Грусть-тоска меня съедает:

Люди женятся; гляжу,

Не женат лишь я хожу...»

Эх, душа моя, Мортиша Премудрая. Грусть-тоска меня снесает. Я уже столько времени убил на это предприятие, а толку ноль.

– Ну, во-первых, не ноль, кое-что ты уже подшаманил, я смотрю. А во-вторых, по-моему, ты несправедлив и к себе, и к своим новым коллегам. Ты ломаешь их мировоззрение и пытаешься на полном ходу развернуть огромный танкер на гладкой воде. Ты забыл о силе инерции?

– Не забыл, драгоценная. И о сопротивлении изменениям тоже не забыл, и о нежелании выходить из зоны комфорта. Я умный мальчик.

– Верно. Ты не просто умный, ты гениальный. И грусть-тоска тебя снесает лишь от эмоционального и интеллекту-

ального вакуума, который ты, кстати, сам создаешь вокруг себя. На-ка, глянь, – с хитрой улыбочкой моя самая любимая на все времена женщина протянула тонкую папку.

– Что это?

– Это, свет очей моих, единственные документы, на которые действительно стоит обращать внимание генеральному директору. Остальные, – она кивнула на солидные кипы, стоящие на ее столе, – вполне могут идти с грифом «дерьмо собачье». Дай задание юристам оформить доверенности на руководителей по направлениям, пусть они сами эту херню подмахивают. Проебут – уволишь к чертовой бабушке.

– Фу-у-у, Алекс, это грубо и не по-европейски. Что за выражение в устах прекрасной дамы?

– Манала я эту европейскую педерастическую культуру и ее поклонников. Мне уже столько лет, что я могу позволить себе быть искренней даже в таких областях как работа, любовь и дружба. И вот, кстати, о любви и дружбе. Я тут вчера с Джесс трындела.

Я нервно крутанулсЯ на кресле – смотреть Алекс в глаза не было никакого желания. Чувствовал себя гадко и неловко, как всегда во время таких разговоров.

– Алекс, я...

– Вопила, чтобы я вычеркнула тебя из списка приглашенных на юбилей. Я ее послала. Сказала, чтобы заткнула свою поганую пасть, пока я не вычеркнула ее.

– Алекс, зачем ты ломаешь ради меня копья? Я тебе никто

по большому счету. Просто наемный работник.

– Ох, Макс, моя дочь – это моя беда. Я родила ее слишком поздно, да еще и упустила ее в тот момент, когда надо было посвящать ей все свободное время, слишком занята была построением своего собственного маленького царства. Вот и выросло... Как там называют учителя? Педагогически запущенный ребенок... Школу не любила, учиться ничему не хотела, только и умела что протестовать против всего, бунтовать да скандалить на ровном месте. Единственное полезное, что она сделала для меня, – это залетела от чудесного самца. Лучшего даже я бы не выбрала.

– Ты несправедлива к Джесс. Она неплохая мать, – глухо пробормотал я, по-прежнему стыдясь посмотреть ей в глаза.

– Да уж, тут не поспоришь. Ребят она вылизывает и вычихивает, как кошка. Господи, хоть что-то делает хорошо, и на том спасибо. Да только я точно знаю, что она всячески настраивает их против тебя. Против меня боится – кто ее тогда содержать будет, а вот с тобой не церемонится, ты у нее теперь враг номер один, ты виноват в том, что я выселила ее из своего имения, ты виноват в том, что я урезала ей содержание. В общем, не она делов натворила, а ты ее подставил. А пацанва пока вырастет, выучится, наберется опыта и разберется, кто прав, а кто виноват... Не отнимать же мне у нее внуков? Да и что я с ними буду делать в своих вечных разъездах да в ожидании очередного приступа? Совсем не за горами то время, когда надо будет кому-то передать всю

власть. Чужие люди растащат то, что я собирала хрен знает сколько десятков лет. А в тебе я не сомневаюсь. К тому же за свою немалую и, как я тебе рассказывала, бурную жизнь, я всего пару раз живьем встречала таких же перспективных менеджеров, которым – сюрприз-сюрприз! – Алекс изобразила унизированными колечками пальцами подобие кавычек, – можно доверить бабло. На всех предприятиях, которые я отдавала тебе в управление, ты существенно поднимал производительность и снижал затраты в короткие сроки. И это при том, что я ни разу не жалела тебя и бросала в самую жопную жопу. Ты не жаловался, не прикрывался моим именем, не использовал административный ресурс в личных целях. Ты – мои инвестиции. И в тебе, в отличие от моей вечно бунтующей дочурки, я могу быть уверена. Ты, по крайней мере, в состоянии сохранить и даже преумножить то, что я оставлю после себя. Потому как даже мертвой мне ты такую подлянку не подложишь.

– Душа моя, ты хоть представляешь, какую истерику она опять закатит, если узнает...

– Да насрать мне триста раз! Я вообще собираюсь переписать завещание. Только тс-с-с, не говори ей, – седовласая хитрованка лукаво подмигнула мне и поманила пальцем: – Только шепотом и между нами – я решила поделить свое состояние между членами своей семьи поровну: дочке, зятю и каждому внуку по двадцать пять процентов, а тебя поставить управлять деньгами пацанят до их совершеннолетия. Я тебя

люблю, мой мальчик, как родного. Несмотря ни на что. И хочу, чтобы ты поминал меня, когда откину копытца, только добрым словом.

– Алекс, прекращай говорить о своей смерти как о планируемой великосветской тусовке, и вообще – объясни мне, ради всех святых, что это за маскарад ты мне тут устроила – помощник генерального, млин! – возмутился я.

– Ой, ну не пузырись ты так, Максюш, дай старухе покуражиться! Я же за тем к тебе и приперлась – поигратися с новой игрушкой. А ты не даешь. А я так соскучилась по энтому делу. Ты же оставляешь после себя везде порядок. А я прям вот чешусь вся – хочу окунуться в хаос и бардак и слепить из него конфетку.

– Ну, не такой уж тут и бардак, конечно.

– Ага, защищаешь? А с чего начал разговор – что впустую бьешься! Прикипел уже, что ли?

– Народ здесь хороший – искренний, неизбалованный...

– Ну да, ну да. А еще хорошенький и умненький, глазками в твою сторону так и сверкает, народ-то, – захихикала миссис Гордон, прикрывая рот узкой ладошкой и поблескивая перстнем, стоившим как полщеха на основной базе. – Расскажи-ка старухе, малыш, эта Светочка, с умненькими глазками... ты мне как-то по пьяни рассказал чудесную историю про одну прелестницу-училку, что когда-то дала тебе такой пинок к развитию, что ты взлетел в стратосферу, помнишь? Уж так эта Светлана Николаевна похожа на ту Светлану Ни-

колаевну, что прям я диву даюсь.

– А ты, значит, помнишь все, что я тебе когда-то в пьяном угаре рассказывал?

– Ну, золотой мой, ту душещипательную историю и двух-часовое описание глаз, рук, ног, попы и голоса той училки даже бутылка абсента не смогла из меня выполоскать. Колись, она? Та самая?

– Угу, она, та самая. И да. Взлетел. Да только сперва она меня уничтожила, разобрала на атомы.

– «You break me down, you build me up...» («Ты уничтожаешь меня до основания и выстраиваешь по кирпичику вновь», «Believer» / Imagine Dragons), – хмыкнула госпожа Гордон, цитируя модный хит. – Надеюсь, ты не забыл ей сказать «спасибо» за это? Если забыл или не успел тогда – сделай это сейчас. Вдруг ей будет приятно? Вдруг она тебя тоже не просто помнит? Вдруг и глазками сверкает не просто так?

– У этой, со сверкающими глазками, между прочим, ребенок и муж, ну, или сожитель молодой. Не, главное, я для нее сопляком и молокососом был, а этот... – я стиснул зубы и медленно выдохнул, – моложе меня. Да и на... к черту, короче.

– Хм, а откуда сведения? Про ребенка и мужа-сожителя-молокососа? – чему-то улыбнулась Алекс, отворачиваясь к монитору.

– Да имел честь пересечься. Где только выкопала такого! Нос перебит, на башке этот ублюдочный хвостик с бритыми

висками, мотня ниже колен – прикид как у бомжа...

– Ну, сердцу женскому не прикажешь. Помнится, был у меня один молоденький. Такой пусечка, ну не оторваться. И тоже выглядел сперва не айс, совсем не айс. Да, знаешь ли, в том и смак для взрослой женщины – вылепить сладкого Галатейчика под свои запросы. Джесс меня тогда со свету сживала, мол, ты что творишь, мне людям в глаза смотреть стыдно. – Алекс картинно закатила глаза и сладко зачмокала губами. А меня прям аж до искр из глаз выбесила картинка, как Светик «лепит» этого Галатиона, мать его.

– Алекс, уволь и меня от этих подробностей. И вообще, не заговаривай мне зубы, манипуляторша. Ты долго еще будешь это шоу продолжать?

– Ну, с месяцок уж точно. Максим, я и правда соскучилась по всему этому, так что расслабься и займись пока британскими активами. Там, конечно, порядок, но...

– Выборочная проверка не помешает. Бла-бла-бла, – махнул я рукой на неугомонную мегерушку. Она, конечно, была тот еще Армагедец в юбке, но, к величайшему удивлению всех окружающих, мы были с ней действительно близки – как могут быть близки люди, живущие на одной волне и думающие в унисон.

Госпожа Гордон уцокала наконец по своим бесконечно важным делам, а я, оставшись в одиночестве, попытался обрести снова рабочий настрой. Но из-за возвращения в мою ежедневную реальность Светочки схлопотал себе нечто вро-

де органического повреждения мозга. Старая шутка о том, что у военных только одна извилина и ту фуражкой надавило, сейчас вполне могла относиться и ко мне. Моя не то что извилина, а, сука, изворотливая загогулина то и дело выводила меня на одни и те же рельсы. Еще и Алекс с ее мечтательным закатыванием глаз по этому своему давнему юному любовнику. Тьфу, вот же напасть! Теперь как царапанная пластинка заело: почему, блин, не я, не я, не я, не я? Получается, возможность близости со мной вынудила эту заразину бежать без оглядки, а вот с этим пугалом – ничего, все в порядке вещей, никаких тебе полных праведного ужаса взглядов и даже намека на смущение. Обжиматься прямо на проходной, никого не стесняясь... У меня опять аж вскипело-забурлило, к самому краю подошло, кулаки стиснулись, и костяшки знакомо зачесались от воспоминания, как он тискал ее за плечи, беспардонно, с видом полноправного собственника, да еще и в лицо мне ухмылялся. Ой и не знал щенок нахальный, как близко находился к очередному перелому своего горбатого носа и челюсти заодно. И Светочка еще, вся из себя такая заботушка, уволокла свое сокровище хамоватое, аж покраснелась и растрепалась от натуги. Тогда, значит, я был для нее слишком молод, а сейчас что? Вышел из возраста, пригодного к употреблению этой вампирюги нервов? Рожей не таков? Или все дело в том, что надо было уже тогда в темной учительской дожимать без зазрения совести, без оглядки на ее репутацию и последствия, а я весь из себя

такой лыцарь оказался, хоть и почти без мозгов в тот момент от вождения, но с беспокойством о ее будущем? Нынешнего Светочкиного утырка-то, похоже, вообще ее репутация не волнует. Да, судя по его роже, не обремененной интеллектом, он вообще не в курсе такого понятия, как женская репутация. Сто процентов рифмует и отождествляет с проституцией. Сволота оборзевшая! И эта... тоже мне... Хорошо же жилось нашим древним предкам. Обнаружился у тебя соперник – замочил его любым доступным способом, бабу на плечо – и в пещеру, без лишних разговоров доказывать свое превосходство во всех отношениях и доступных позах. О позах, кстати... Мои глаза невольно пробежались по кабинету. Для начала сразу у двери, так, как тогда не вышло... Как говорится, начнем с того, на чем остановились, девочка моя. Прижать всем телом, водить разомкнутыми губами от скулы, вдоль тонкой шеи, до ключицы и обратно, еще не целуя, лишь пробуя кончиком языка, вспоминая вкус и чуточку царапая зубами, оставляя влажный след, от попадания моего дыхания на который упрямица начнет вздрагивать и покрываться крошечными мурашками... И руки в этот раз уже не отпускать, не-не-не, дураков больше нет, держать до последнего, а то любят всякие помахать ими... Добраться до уголка рта, обмануть деликатным просящим касанием, дать иллюзию возможности отказа, а потом коварно атаковать, сменяя сопротивление и используя возмущенный выдох как предателя, открывшего путь в крепость вражеской

армии. Целовать-терзать так, чтобы губы у обоих опухли и онемели... Смотреть, как зрачки ее расширяются, как теряет осмысленность дерзкий взгляд, как черты лица сначала разглаживаются в тот самый момент, когда она сдастся, а потом снова станут напряженными под напором нарастающего удовольствия... И потом уже никаких промедлений и стратегических просчетов, я больше не тот нетерпеливый и готовый отступить юнец... Не-е-ет! Хрен вам, Светлана Николаевна, причем самый что ни на есть настоящий и неотвратимый, в натуральную величину и для частого, регулярно и длительного использования. Качество и долговечность гарантирую! Сначала заставлю кончить на моих пальцах, да так, чтобы ошалела совсем, цеплялась, как тогда, а потом уж стучи-не стучи кто, я тебе такое родео устрою, что ты и не заметишь даже пожарную сигнализацию. А потом на столе... как же задолбали эти ежедневные пытки видением, как нагибаю едва ли не силой все еще строптивую или раскладываю уже покорную и на все согласную... Да по хрен как, употреблю любую, надоело с голоду подыхать... Еще у окна, прижав щекой к холодному стеклу, которое все запотеет, отделив нас туманной завесой от реального мира, пока я буду вбивать себя в твое тело, отпечатывать необходимость присутствия в разуме... В моем директорском кресле, с ногами, заброшенными на подлокотники, с бессильно откинутой головой, обнаженной грудью, юбкой, скомканной на талии, и моей головой между мелко дрожащих от поступаю-

щего оргазма бедрами... И все это только разогрев, закуска перед настоящим драйвом в постели. А потом, Светочка, если еще сохранишь способность к связной речи, скажешь ты мне – стоило ли сбегать когда-то от неизбежного? Потому что затрахую, вот ей-богу, затрахую до невменяемости! Сдался мне твой исправно работающий разум, если он тебе однажды подкинул идейку сбежать от меня и вполне может вытворить такое снова.

Громкая мелодия сотового моментально отрезвила меня, возвращая из ностальгии по пещерному укладу жизни в унылую и скучную современность. Нет, ну не мать ведь его эти неоднократно! Вот какого же хрена опять я позволил себе не только вообще заморочиться на околосветочковые фантазии, но и домечтался до полноценного стояка? В своих подтекающих мозгах уже прикончил сопляка-соперника, присвоил, отымел по-всякому и даже дошел до выяснения отношений прошлых и нынешних. Посреди дня! В собственном рабочем кабинете!

Глава 7

С приездом Мегеры ситуация изменилась странным образом. Босс больше ни на кого не орал. Он был улыбочив, великодушен и безотказен. Любому, кто смог прорваться до его тела. Просто потому, что поток посетителей на девяносто пять процентов разворачивала Александра. Его почтовый ящик проверяла она, и все звонки на внутренний номер директора теперь тоже попадали только к ней. Даже на его мобильный. Круглосуточно. Никто не мог дозвониться до Максима Владимировича, минуя Великую и Ужасную. Я когда-то мнила себя мымрой? А потом думала, что Макс – зверь? Пфр! Подписать накладную на оборудование за полмиллиона? А почему директор? Потому что сумма свыше тридцати тысяч рублей? А кто так говорит? Финансовый директор? А кто у нас был финансовым директором? Как это все еще есть? Если не перепишет учетную политику к завтрашнему утру, будет бывшим. Кого не найдем? Финансового директора не найдем? Да только вот пару дней назад провели по скайпу собеседование с несколькими кандидатами из соседней области. На восемьдесят тыщ чистыми белой зарплаты плюс бонусы в конверте? Шутите? Готовы завтра. Да, к утру будет нормально. Нет, директору отправлять не надо, зачем грузить занятого человека ерундой? Мы и сами грамотные, сюда, в приемную шлите, если нас устроит,

он ее подпишет. Что значит, не контролирует ситуацию? Его дело – внешняя политика компании и основная стратегия развития на ближайшие десять лет. А происходящим внутри должны владеть те, кому он доверяет и кто назначен на должность за мозги и умения брать на себя ответственность. А вы не волнуйтесь, выборочная проверка идет постоянно. Вот, кстати, хорошо, что напомнили. У Маркина в филиале что-то подозрительно часто продукцию переводят в брак и списывают, а в комиссии сплошные кумовья да соседи по кооперативу. Непорядок. Непорядок не то, что кумовья и соседи – это реалии нашей жизни. Непорядок, что запаadlo должно быть у своих крысить. Беспредел это. Ну да, есть грешок, пользуемся воровским жаргоном. Но вы все же свояку своему намекните, что ему бы не помешало эти понятия выучить сейчас, на свободе. И проникнуться. Ну, дабы не пришлось учиться у параша. Да, да, так и передайте – у па-ра-ши. Вы серьезно? Всего лишь секретарь? Кто? Я? Милейший, советую вспомнить, кем были дю Трамбле, Распутин и Суслов. И вы, наконец, уясните мою роль в жизни вашего предприятия.

Я тихо млела и фигела, впитывая ее интонации, ее умный сарказм, ее черный юмор и даже к месту вставленный «матерок», нет-нет да и вырывавшийся из красиво очерченных и умело подведенных яркой губной помадой уст. Я совершенно искренне охреневала от того объема информации, который эта дама успевала не просто пропустить через себя, но еще и молниеносно переработать и принять решение.

Помнится, она просила у директора неделю? За три рабочих дня она провела десять совещаний – с каждой из крупных служб. На совещаниях все не просто молчали. Все судорожно конспектировали каждое слово. Наслышанные о первых разгромных выволочках айтишники предусмотрительно записали ее речь на диктофоны. И не зря: она сыпала без пауз такими терминами, которые, похоже, даже нашим повелителям программ и железа были непривычны. Я заскочила к ним на следующий день после встречи по новой концепции отдела ИТ и на подходе к кабинету услышала:

– Б*ядь, что это за Матрица! Она вообще человек? Или андроид нового типа? Откуда бабка может столько знать об облачных вычислениях?

– Мальчики, что за шум? – полюбопытствовала я.

– Ничего, – хмуро буркнул Серега – начальник наших местных вундеркиндов. – Старуха якобы от имени босса задания такие дает, что хоть вешайся.

– А что за задания?

– Ну, к примеру, за два дня надо кинуть ей приблизительную смету и график по переходу на диадок документооборот, ну так, говорит, хотя бы х*й с пальцем сложите, а я дальше сама прикину. Нормально вообще? Или вот мне только что позвонила и сказала, что до обеда надо отправить ей положение об использовании мобильной связи и проект приказа с лимитами на месяц.

– А что тут сложного? Это я про положение.

– Светик, ты от нее, что ли, переопылилась?

– Да нет. Блин, Сергей, я тебе это еще при Нилыче говорила. А ты мне что? Да на фиг надо? И так все видно. А не видно ни фига. Народ лимитов не помнит, тряндит, как по личным, у нас на мобильную связь только на основную базу улетает сам знаешь сколько – до восьмидесяти тысяч ежемесячно. Это же около лимона в год!

– Ой, можно подумать, это много!

– Много, Сереж. В наших условиях много. Филиалов у нас сколько? Вот и посчитай. Давай, поройся в почте. Я тебе, точно помню, еще тогда отправила наброски и по положению, и по табличке с лимитами.

– Точно. От же шь... Считай, выручила меня. Буду должен.

А с тем, кто будет сидеть в приемной, решилось так: мою Лялю, после непродолжительного разговора с Алекс тет-а-тет, содержание которого мне не захотела передать даже доверявшая практически все свои горести и беды девчонка, перевели в отдел розничных продаж. Еще через пару недель взгрустнувшая поначалу Ляля порхала, щебетала и светила от счастья. Как выяснилось, в отдел розничных продаж приходили в основном покупатели-мужики. И вот тут моей Мартышке, что называется, пошла масть. Ящики ее тумбочки за несколько дней оказались забиты шоколадками, а отдел завалили заявками на продукцию – мелкими партиями, но, курочка по зернышку, как говорят.

Мне же директор поручил расплывчатую по срокам и инструментам задачу по описанию бизнес-процессов компании с целью их дальнейшей оптимизации. Мол, раз была помощником предыдущего генерального, значит, знаешь работу всех структурных подразделений и всех занятых в этих самых процессах людей. Но, как известно, работа эта трудоемкая и кропотливая, требующая определенных усилий и концентрации, а следовательно, в приемной я пока сидеть не смогу, нет, никак. В приемной пока порулит Алекс, которой и надо – временно, исключительно временно – передать дела.

Ночами я сидела дома и под могучий храп Дэна штудировала где-то новую литературу, где-то знакомые, но выветрившиеся из памяти учебники, изучала примеры подобной документации, вырытой в интернете. И материлась. Понимала, что Макс прав, но все равно материлась. А иногда плакала. Просто потому что с его вторым пришествием в мою жизнь я снова потеряла над ней – своей жизнью – контроль. И это сбивало с толку. Это нервировало с одной стороны, вдохновляло с другой. Мне хотелось перемен, но я их страшилась. А еще я страшилась тех, старых, похороненных глубоко-глубоко на дне моей памяти воспоминаний и желаний, которые эти чертовы перемены опять будили. Будили наяву и снились ночами. Сны были... жаркими. Такими жаркими, что просыпалась я мокрой. Причем мокрой оказывалась не только спина, но и пижамные штанишки. Я даже однажды

ночью испугала Дэна, разбудив его громким стоном. А стояла я потому, что мне опять снились руки – большие мужские руки, что довели меня до самого яркого в моей жизни оргазма в темной учительской двенадцать лет назад. И проклинала неизвестного коллегу, потревожившего нас в тот миг, и свою трусость, которая, в очередной раз паникой затопив мое сознание, не дала мне тогда перешагнуть через свой неистребимый страх перед мужчиной и испытать то, чего так яростно и настойчиво требовало тело в присутствии мелкого засранца-школяра, моментально каменевшее рядом с остальными представителями этого сильного – как бы ты ни сопротивлялась, сильнее тебя – пола. Если бы не чья-то неудавшаяся попытка попасть в запертую изнутри учительскую, случившаяся так не вовремя, я бы наверняка прошла с Максом до самого конца двенадцать лет назад. И сейчас я бы не фантазировала, тупо уставившись в монитор, а с наслаждением и тайным превосходством вспоминала бы в малейших подробностях каждое его движение глубоко внутри, каждый его рывок, каждый сорванный с его губ хрип... Ну вот, опять сводную таблицу переделывать надо, чертовщина какая-то.

Ежедневно до обеда я ходила по отделам: мучила коллег вопросами по функционалу, выясняла, кто, когда, какие внутренние документы создает и какие операции совершает, для кого, как часто, сколько по времени это занимает, какими регламентами руководствуются. После обеда возвраща-

лась на свое новое рабочее место – большой светлый кабинет, в котором еще недавно сидел тот самый родственник, подставивший моего Ниловича. Теперь его занимала я. Уж не знаю, чья то была идея – Алекс или самого Максима – но на пользу она мне не пошла. Светлые кожаные кресла, итальянская мебель из разряда «для руководителя», огромные окна, все те цветы, что пришлось удалить из директорского кабинета... Короче говоря, на это помещение облизывались многие руководители крупных служб. А достался он мне – бывшему помощнику уже не генерального директора, а теперь вообще сотруднику с неназванной должностью и расплывчатыми обязанностями. В общем, народ нет-нет да и косился на меня странно, да и девчата пару раз сплетни засекли и мне передали, что, мол, не такая уж Ланочка у нас и безгрешная, раз и при новом директоре-зверюге так хорошо устроилась, вона, аж цельные хоромы урвала, за что, интересно?

На разосланные резюме откликов было подозрительно мало. И потому приходилось, стиснув зубы, терпеть и легкое отчуждение в коллективе, и бешеные нагрузки, и ворчание моих мужиков – вечно не кормленных, не обласканных, твердой женской рукой не проконтролированных. Проанализировав собранные в цехах записи, я сводила всю информацию в таблицу и кидала ее Алекс. Она проверяла, что-то уточняла у меня, над чем-то смеялась, иногда устраивала мини-конференции в телефонном режиме со мной и руково-

директором проверенного отдела и минут пятнадцать выносила ему мозг, ехидно интересуясь, в чем смысл его должности, если его сотрудники сами планируют себе работу и на день, и на месяц, сами контролируют ее выполнение, и сами взаимодействуют с потребителями услуг данного отдела.

А вот потом... потом начинался мой ежедневный триндец. Я шла к директору. И ведь, зараза, ну получил ты документ по почте? Получил. Посмотри сам, напиши замечания, позвони мне или руководителю обсуждаемого отдела по телефону, выскажись... Не-а. Я должна была ходить к нему лично. С распечатанными простынями. Раскладывала их на столе для совещаний, он садился рядом, и я приступала к объяснениям. Собственно, после совместной проработки с Алекс придраться там было не к чему. Он и не придирался особо. Он, скотина такая, начинал изводить меня вопросами: что можно улучшить, оптимизировать? Где можно убрать лишний этап, лишнюю ветку при согласовании документа или совершении той либо иной операции? А почему смена формы у нас занимает сорок пять минут, а в филиале О-ска – двадцать восемь, если линии идентичны? Нет, я за несколько лет уже успела неплохо изучить производство под руководством Нилыча, да и аналитику для старого Генерала частенько делала. Но, увы, уже настолько привыкла ко всему, что перестала обращать внимание на то, что некоторые вещи на самом деле делают не потому, что они нужны, а потому что «так делали всегда». А еще я не могла со-

средоточиться на том, что он говорит. Потому что он был слишком близко – садился рядом, становился возле стула и почти наваливался немалым весом на плечо – якобы, чтобы рассмотреть что-то получше. Детский сад, чесс слово! Как будто и не было этих лет, как будто я снова молодая учительница, а он блестящий, но строптивый ученик, не согласный с общепринятой системой образования, желающий все переделать, все перестроить, все переиначить под себя. И очень хорошо, что наше общение проходило в самом конце рабочего дня. И просто великолепно, что длилось оно недолго – минут сорок, максимум час, иначе я бы точно спалилась, так или иначе выдала бы свои чувства и эмоции. Потому что эти самые гадские эмоции рвались наружу – неумолимо грозя снести к чертям собачьим тщательно выстраиваемую плотину из привычных «нельзя», «неприлично», «подумай о семье», «совсем-с-ума-сошла-дура»... Я смотрела на мужскую руку, сжимающую простой карандаш, а представляла ее же на своем затылке, растрепывающей тугой пучок волос. Отвечала на вопрос о необходимости включения отдела логистики в процесс планирования производства, а сама из последних сил контролировала язык, который порывался огласить острую необходимость взаимодействия другого рода. Тайком поглядывала на недовольно нахмуренный лоб и представляла капельки пота, которые наверняка скатывались бы по нему, когда... Ла-на-а-а! Угомонись! Остановись, пока не поздно! Забыла, как двенадцать лет назад уже укро-

щала свое буйнопомешанное на этом индивиде либидо? Забыла, сколько потом изгоняла его из своей памяти и чувств? Ладно, ладно, все, успокаивайся. Все, Ланка, дыши глубже. И заставляй себя смотреть в глаза, а не на эти твердые мужские губы, которые хочешь чувствовать на своей коже, ощущать там, где бьется твое непослушное сердце, ловить шепот... Твою ж мать, Лана!

Вот что в нем такого, что порождает внутри всю эту бездну противоречий? Ну, допустим, красивый он мужик, тут не поспоришь, но не первый же на моем жизненном пути попавшийся, чтобы вот так реагировать? Если и допустить, что вот такая я оказалась сластолюбива и распутница, ведущаяся на молоденьких и именно внешняя привлекательность виной, так разве не было в той же школе мальчишек посимпатичнее? И не смотрели они разве на меня частенько влюбленными глазами? Было ведь? Было. Но не трогало, не цепляло, не смущало и не сбивало с профессионального отношения, а с Максом... Не смотрел он просто влюбленно, он уже тогда обладал мною этими своими взглядами – требовательно, бескомпромиссно, жадно. Все только ему одному, больше никому. А сейчас? Да, не поймала я его ни разу за похотливым визуальным раздеванием, сальным облапыванием моих форм, но это не значит, что не чувствовала каждый раз всем телом каждый его выдох, щекотно шевелящий выбившуюся прядь или случайно скользнувший по коже, будто горячей на солнцепеке рядом с ним. А может,

это только мое буйство гормонов? Может, и нет ничего? Но откуда тогда это постоянно предчувствие грядущего прикосновения? Словно он все время лишь в одном вдохе от того, чтобы скользнуть по моей ноге пальцами вверх, или вот-вот прекратит эту игру в невозмутимость и прижмется губами за ухом, прошепчет что-то из тех безумных откровенных слов, которыми осыпал меня, как и суматошными поцелуями в темноте учительской. И в этот раз не просто скажет, но и не остановится, хоть небо на землю упади, дойдет до конца и меня доведет, дотащит, сколько бы ни твердила свои намертво прилипшие к языку «нет, нельзя, неправильно». И почему, вот почему, во имя всего разумного и логического на свете, если я знаю, как правильно следует вести себя и тогда в прошлом, и сейчас, эта проклятая правильность ощущается такой противоестественной? Все равно что знать, что вокруг тебя пьянящий, потрясающий чистоты воздух, но ты запрещаешь себе им дышать просто потому, что все вокруг могут счесть свободное дыхание непристойным. Именно все вокруг, потому что я сама уже, кажется, совершенно забывала, что неправильного или постыдного в том, чтобы поддаться своим желаниям. Взять и самой податься к Максу, когда он нависает надо мной... или всего лишь повернуть голову и разомкнуть губы, приглашая. А дальше уж пусть катится-несется этот постоянно мучительно пульсирующий внутри огненный шар, хоть вверх, хоть вниз, сметая на своем пути, сжигая обоих... Ну да, а потом все закончится и наступит

трезвость посреди руин, унижительная и безвозвратная. Может, первое побуждение бежать, бежать без оглядки от этого невозможного мужчины – разрушителя моей адекватности – и было самым верным? Бог с ним, с бытовыми последствиями, они из разряда тех, что устранимы. Плавали – знаем. А вот новый срыв в безумство с Максом разнесет в пыль все, и прежде всего – меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.